НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXIII г. № 24 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.). ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 13 іюня 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Турецкое кладбище въ Скутари, близъ Константинополя. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

На берегахъ Невы и Темзы.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

— Комикъ и юмористъ! добродушно послалъ ему вслѣдъ Луневъ.

Лидія Львовна окинула незамѣтнымъ взглядомъ ближайшихъ сосѣдей. Всѣ разошлись или были заняты разговорами.

Она вполголоса сказала, чуть улыбнувшись:

— Комикъ, но не юмористъ!

— Почему такъ? спросилъ ея собесѣдникъ, немного удивленный.

— Я думаю, вы и сами думаете то же. Комики бываютъ очень занимательны подражая. Но юморъ долженъ быть самобытенъ... да и направленъ немного иначе... Даже совсѣмъ иначе!

— Чѣмъ у Шеснева?

— Да... чѣмъ у большинства такихъ, какъ онъ. Ихъ вѣдь много!

— Кого это? Дмитріевъ Андреевичей Шесневыхъ? переспросилъ графъ, заинтересованный ея замѣчаніями.

— О, Боже мой! Vous tenez au nom!.. [1]) Я говорю же вамъ, что имя имъ — легіонъ! засмѣялась Лидія.

— Pardon! Но вы выражаетесь очень неопредѣленно. Я бы очень хотѣлъ знать, кому — *имъ*?

— Добродушнымъ комикамъ, которые играютъ дешевымъ острословіемъ, не разбирая во что попадаютъ стрѣлы ихъ сатиръ... Впрочемъ, не очень злыхъ сатиръ!.. снова разсмѣялась Лидія.

— О, какъ вы тонко и строго судите! Бѣдный Шесневъ!

— Ахъ, Богъ съ вами! Чѣмъ бѣдный?.. вспыхнула она. — Я, право, не осуждаю... Я говорю вообще...

— За то въ частности вы его утѣшите, принявъ участіе въ хорѣ! Не правда ли?

— Не... не знаю... Я вѣдь страшно перемѣнчива!

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Непостоянство — женскій порокъ.

— Oh! Comme c'est vieux!.. [2]) Охота вамъ повторять такія прописи!

— Ну, вотъ видите, какая вы безпощадная!.. Съ вами надо держать ухо востро. Вотъ и я попался въ повтореніи.

— Это бы ничего. Мы вѣдь всѣ, поневолѣ, немножко попугаи... Да и мудрено тысячи лѣтъ жить милліонамъ людей и не повторять чужихъ словъ. Но это не вѣрно...

— Такъ за что-жъ вы обвиняете Дмитрія Андреевича въ подражаніи? прервалъ Луневъ, не дослушавъ.

— Въ преднамѣренномъ и завѣдомомъ — это другое дѣло!.. Они, — то есть такіе, какимъ онъ мнѣ показался, — не потому повторяютъ и копируютъ чужое, что les beaux или les mauvais ésprits se rencontrent, [3]) а потому что сами хотятъ снова сказать или сдѣлать то, чтò имъ кажется умнымъ, эффектнымъ, забавнымъ... А это ужь не хорошо! Это тотъ же плагіатъ.

„Преоригинальная дѣвица!“ думалъ глядя на нее и любуясь ею, самъ того не сознавая, Луневъ. „Вотъ она — самобытный и очень рѣдкій экземпляръ! Кажется... А впрочемъ, какъ ихъ узнать?.. У иной такъ все напускное, все лживое кажется своимъ, искреннимъ, что и не отличишь... А я, какъ всегда, неисправимъ: готовъ все чтò блеститъ принять за золото!“

Онъ усмѣхнулся своимъ мыслямъ и на минуту, развлеченный ими, не слушалъ ея живыхъ рѣчей.

— Я увѣрена, что вы преднамѣренно не будете безъ конца нянчиться съ одною фразой только потому, что разъ она понравилась. Но вообще человѣкъ склоненъ, мнѣ кажется, изображать сборники словъ — остроумныхъ или правоучительныхъ... Какъ и вы сейчасъ несправедливо меня заподозрили въ непостоянствѣ...

Лидія остановилась, глядя, съ улыбкой на оживленномъ лицѣ, въ упоръ на Лунева-Запястьева, подъ вліяніемъ своихъ мыслей склонившаго слегка голову, и глаза опустившаго въ одну точку.

Онъ опомнился, когда умолкъ ея голосъ.

— Pardon, mademoiselle! Вы говорите?..

— Вздоръ, который повторять не стòитъ!.. Ваши мысли навѣрное были несравненно интереснѣе моихъ словъ... Потому-то я и замолчала.

— И совершенно напрасно!.. Мои мысли не стоили такой чести...

— Развѣ потому, что онѣ васъ самого огорчили. Невеселыя мысли, если онѣ безплодны, по-моему, лучше отгонять.

— Лидія Львовна! вскричалъ графъ, — вы совсѣмъ страшная собесѣдница... Отъ васъ не скрыты даже помыслы.

— О, какъ бы я этого хотѣла!.. Въ Лондонѣ есть такой человѣкъ, сестра мнѣ пишетъ. Ясновидящій... Онъ видитъ направленіе мысли по лучамъ, исходящимъ изъ головы человѣка. Это должно быть превесело... Но у меня, къ несчастію, нѣтъ такого дара...

— Вы однако узнали, что мои помыслы не розоваго цвѣта.

— Пеняйте на себя!.. Чѣмъ же я виновата, что вы исключеніе?

— То-есть?.. Исключеніе *изъ?* улыбнулся Луневъ, глядя вопросительно.

— Ахъ, да изъ огромнаго большинства!.. Вы не умѣете лицемѣрить... Всѣ мысли и чувства ваши отражаются на лицѣ... Вы не отъ міра сего... Pardon!

Лидія спохватилась, что по обыкновенію высказала больше чѣмъ хотѣла. Но Луневъ поймалъ ее на словѣ и не соглашался оставить его безъ опредѣленія. Оживленная бесѣда ихъ продолжалась слово за слово, разумѣется привлекая вниманіе и комментаріи многихъ.

Они и во время ужина — Елена Аркадьевна де-Прево жила по-старосвѣтски и не любила, когда ея гости уѣзжали голодными, — сидѣли рядомъ и очень казались довольны своимъ сосѣдствомъ. Завольская хоть и упрекала графа, что онъ не отъ міра сего, но въ сущности сама, не болѣе чѣмъ онъ, была способна сообразоваться съ требованіями свѣта или помнить его законы. Несмотря на молодость, она была очень самобытная и самостоятельная особа. Имѣла свои собственныя правила, и съ дѣтства балованная, съ двадцати же лѣтъ вполнѣ предоставленная собственной волѣ, не легко отступалась отъ убѣжденій.

IV.

Въ обществѣ скоро заговорили о красивой, богатой, эксцентричной молодой дѣвушкѣ. Завольская выѣзжала много, легко знакомясь съ людьми, даже охотно переступала общественныя грани. Она вообще держалась крайне самостоятельно, не затрудняясь не только высказывать личныя симпатіи или непріязни, но подъ-часъ прямо заявлять свои мнѣнія о людяхъ и вещахъ, въ противность всѣмъ авторитетамъ, искренно и безбоязненно.

Разъ или два родственница, съ которой она поселилась, жена одного изъ сонма департаментскихъ директоровъ, Марья Васильевна Бергардтъ, вздумала было сдѣлать ей замѣчаніе. Она заявила, что, какъ пожилая женщина, знающая свѣтъ и злобу людскую, она считаетъ своей обязанностью предупредить ее, остановить отъ увлеченій молодости, которыя могутъ ей по-

---

[1]) Вамъ непремѣнно нужно имя.
[2]) Какъ это старо!..
[3]) Блестящіе или не блестящіе умы сходятся въ воззрѣніяхъ.

Ярмарка въ Галиційскомъ мѣстечкѣ. Съ карт. Страйта (исключ. право воспр. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“), грав. Пуцъ.

— Какою дамой? поморщился Лассунскій. — Этой старенькой дуэньей, что съ ней гуляетъ?

— О, нѣтъ!.. Это компаньонка. А то генеральша-родственница, у которой живетъ M-lle Завольская.

— Ага! Такъ мы еще подъ опекой? освѣдомился баронъ.

Но Луневъ разсмѣялся и успокоилъ его, отвѣтивъ, что опека весьма не стѣснительная, „toute fictive"... Что въ сущности „опекаемая" царитъ полновластно, не только надъ тетушкой Бергардтъ, но и надъ самимъ директоромъ департамента.

Благотворительный балъ княгини Роксанской, первый балъ, на которомъ въ Петербургѣ появилась Завольская, былъ для нея великимъ успѣхомъ. Въ слѣдующіе за нимъ дни въ гостиной Марьи Васильевны Бергардтъ перебывало такое множество людей, не знавшихъ прежде ея адреса, — людей, которыхъ фамиліи, произносимыя ею въ качествѣ личныхъ знакомыхъ, переполняли ее самодовольствіемъ, что ея тщеславное сердце возрадовалось.

Тамъ же наступилъ долго жданный Нордштетомъ и Лассунскимъ моментъ: въ блестящей обстановкѣ бальной залы графъ Луневъ-Запястьевъ представилъ своихъ пріятелей Лидіи Львовнѣ. Они оба охотно танцовали и заполонили ее, въ числѣ другихъ танцоровъ, на весь вечеръ.

Луневъ не танцовалъ. Походивъ по заламъ, поговоривъ на лету съ нѣкоторыми, съ другими только раскланявшись, онъ расчелъ, что достаточно заявилъ о своемъ присутствіи и можетъ со спокойной совѣстью удалиться. Его отсутствіе, безъ сомнѣнія, никакого ущерба не нанесло бы оживленію бала; онъ ужъ нѣсколько разъ повторялъ себѣ, что уйти можно, что его ухода никто не замѣтитъ, но почему-то не уходилъ. Въ послѣднее время Петръ Владиміровичъ часто ловилъ себя на несообразностяхъ дѣйствій своихъ съ убѣжденіями и самъ надъ собой хмурилъ брови, недовольный такой нравственной несостоятельностью.

Такъ и на балѣ княгини Роксанской. Онъ, все думая, что пора ѣхать домой, проходилъ и простоялъ, глядя на танцующихъ, до конца котильона, самъ не зная, чего ожидая... Ужъ очень хороша была въ тотъ вечеръ Лидія Завольская!.. Онъ любовался ею какъ артистъ, какъ художникъ, какъ любитель во всемъ красоты формъ, гармоніи очертаній, а въ прелести женскихъ лицъ — осмысленной оригинальности выраженія — „Божіей искорки", не всегда одухотворяющей красивыя лица... Такъ говорилъ онъ, самъ себѣ объясняя причину, почему не сводилъ съ нея глазъ.

Въ этомъ фактѣ графъ Луневъ-Запястьевъ долженъ былъ себя наконецъ уличить, какъ ни старался вначалѣ лицемѣрить, обходя его мысленно.

Котильонъ оконченъ. На минуту жаркая танцовальная зала, пресыщенная запахомъ духовъ и цвѣтовъ, во множествѣ разсыпанныхъ въ котильонѣ, огласилась говоромъ, словно громкимъ пчелинымъ жужжаніемъ, и вотъ оркестръ, притихнувшій на мгновеніе, грянулъ полонезъ, и пара за парой направились къ ужину.

Вмигъ одиноко стоявшій Луневъ былъ охваченъ нестройной волной, и не успѣлъ посторониться, какъ услышалъ надъ самымъ ухомъ веселый голосъ Лассунскаго:

— А вы еще здѣсь, анахоретъ?.. Не исполнили своего намѣренія удалиться при первомъ звукѣ танцевъ?

— Вотъ не понимаю, какъ быть на балѣ и не танцовать!.. Пойдемте хоть ужинать, графъ!.. Или вы не только анахоретъ, но и постникъ?..

Луневъ взглянулъ на сіявшее беззаботнымъ весельемъ красивое лицо говорившей и пошелъ вслѣдъ за ними, къ особенному удовольствію своего пріятеля, по немому самъ оказался доволенъ, что остался ужинать. Вниманіе Лидіи Львовны, танцовавшей котильонъ съ Лассунскимъ, во время ужина не совсѣмъ было на немъ одномъ сосредоточено... Онъ даже нашелъ, что она мало на него обращаетъ вниманія, вся увлеченная бесѣдой со своимъ сосѣдомъ по правую руку, и втайнѣ не разъ командировалъ пріятеля въ преисподнюю за такое нарушеніе правъ собственности...

Луневъ однако и не замѣтилъ, что безправно отнялъ у Лассунскаго вниманіе его дамы, по законамъ котильона долженствовавшее на него распространяться и во время ужина. Какъ истый субъектъ „не отъ міра сего", онъ въ невинности души пользовался выпавшими на его долю пріятными минутами бала; мало того, онъ ввелъ Лидію Львовну въ непростительное беззаконіе: послѣ ужина танцы возобновились вальсомъ и продолжались долго, а она отказалась вальсировать и охотно отказалась бы отъ мазурки, еслибъ она у нея не была отдана ранѣе. Подъ предлогомъ усталости, Лидія осталась на полпути къ залѣ танцевъ, въ маленькой гостиной, и тамъ, несмотря на настойчивые вызовы кавалеровъ, отказывала всѣмъ, отдыхая въ глубокомъ креслѣ, въ разговорѣ съ однимъ, беззаконно избраннымъ, не танцующимъ собесѣдникомъ, тогда какъ должна была, по всѣмъ правиламъ, кружиться со многими танцорами.

Такое неприличіе конечно было замѣчено и коментировано не въ пользу виновной, тѣмъ болѣе, что она нашла возможность его еще увеличить. Раздосадованная десятымъ перерывомъ разговора ея съ графомъ, она съ досадой попросила подошедшую къ ней даму, — „ласково" замѣтившую, что „на балы молодежь пріѣзжаетъ веселиться, а не сидѣть по угламъ", — не заботиться о ея веселіи...

— Мое милое дитя, на французскомъ языкѣ назидательно остановила ее дама, — вы молоды и сирота; васъ некому наставить и вы должны бы меня поблагодарить.

— О, да, съ удовольствіемъ, весело отвѣчала Лидія, — только позвольте мнѣ для этого пріѣхать къ вамъ завтра утромъ, а теперь, пожалуйста, дайте докончить разговоръ мой съ графомъ. Онъ очень важенъ и серьезенъ, увѣряю васъ!

Дама отошла оскорбленная и тутъ же отдала приказаніе своимъ дочерямъ не разговаривать и прекратить знакомство съ этой „petite insolente, mal élevée"... [1])

Нечего и говорить, что Луневъ неоднократно порывался стушеваться, уговаривалъ Лидію Львовну не скандализировать общественнаго мнѣнія и противъ себя его не возбуждать. Но она и слышать не хотѣла его просьбъ, пресердито увѣряя, что она сочтетъ себя лично оскорбленною, если онъ отойдетъ.

— Я завтра, если позволите, пріѣду къ вашей тетушкѣ, чтобъ окончательно переговорить о вашемъ проектѣ, приговаривался онъ къ ея возвращенію въ большую залу.

— Завтра вы разумѣется пріѣзжайте. Здѣсь не дадутъ условиться! согласилась она. — Но если вы оставите меня до мазурки, то я брошу своего кавалера и уѣду... Тѣмъ хуже для него!

— И для васъ, Лидія Львовна!.. Вы шутите съ огнемъ... Зачѣмъ возбуждать пересуды и сплетни?

— Вотъ къ чему я совершенно равнодушна!.. Да развѣ возможно ихъ избѣжать?.. Да, по-моему тотъ человѣкъ котораго всѣ оставляютъ въ покоѣ, никто ни въ чемъ не осуждаетъ, достоинъ сожалѣнія: это долженъ быть такой безличный идіотъ... Да и того въ покоѣ не оставятъ... Неужели вы боитесь „людской молвы, морской волны"?.. Гдѣ это сказано?.. Очень вѣрно и картинно... Такъ вотъ что, графъ, о моемъ проектѣ мы завтра переговоримъ, а теперь, скажите — вы беретесь мнѣ это узнать?.. Имя его и адресъ.

Она возвратилась къ главной темѣ ихъ разговора и

[1]) Дерзкой, дурно-воспитанной дѣвчонкой.

встала только, когда заиграли мазурку и кавалеръ ея, раскланявшись предъ нею, властно щелкнулъ каблуками съ серебрянымъ звономъ.

Это былъ призывъ, которому не могло послѣдовать отказа. Лидія встала, дружески простившись съ Луневымъ „до завтра", а онъ, не заходя болѣе въ танцовальную залу, уѣхалъ.

V.

„Странная дѣвушка! Очень странная!" думалъ онъ, по дорогѣ домой, закуривъ сигару и разсѣянно глядя въ окно на сѣтку частаго снѣга. „Зачѣмъ ей адресъ этого господина?.. Или хочетъ помочь? Но вѣдь три тысячи! Цѣлый капиталъ... Положимъ, говорятъ она очень богата... Пусть ужъ лучше такъ тратится, чѣмъ на женскую безтолочь!.. И что еще она выдумала: какой *проектъ*?.. Не могутъ онѣ жить безъ тайнъ, безъ замысловъ... И что за фантазія меня — именно меня избрать въ соучастники?.. Безъ году недѣлю знакомы... А впрочемъ она говоритъ, что въ Петербургѣ никого не знаетъ. Можетъ быть,—даже вѣроятно это правда!.. Очень лестно! Только бы не въ postillon d'amour попасть!"

Дойдя до такого напускнаго заключенія, насильственно выжатаго добросовѣстными усиліями графа настроить себя на досаду и раздраженіе, онъ самъ устыдился своего лицемѣрія. Но несмотря на это, не могъ никакъ отъ него отдѣлаться до самаго утра. Не спалось ему въ этотъ остатокъ ночи, и онъ, то и дѣло, ловилъ себя на выжиманіи ужасно фальшиво звучавшихъ возгласовъ: „да Богъ съ ней совсѣмъ!.. Ну, какое мнѣ до нея дѣло?.. Такая-жъ пустельга... и можетъ быть такая-жъ ходячая ложь, какъ большинство женщинъ... Ну ее!.. Заснуть бы скорѣй!.." Но сонъ не приходилъ. Какъ ни досадно, какъ ни горько было этому испытанному жизнью человѣку, „давно отжившему свою молодость" — такъ по крайней мѣрѣ самъ онъ былъ увѣренъ,—сознавать въ себѣ признаки, съ юности не испытаннаго, увлеченія, но приходилось считаться съ безпокойными признаками этого недуга... Темные, глубокіе, блестящіе глаза, осѣненные черной бахромой рѣсницъ; живой румянецъ и живая улыбка на яркихъ губахъ; а болѣе всего живыя, искреннія рѣчи Лидіи Завольской положительно не давали заснуть графу Луневу-Запястьеву въ ночь послѣ бала княгини Роксанской, какъ суждено имъ было впослѣдствіи много разъ не давать ему покоя и забвенія.

Тѣмъ не менѣе Лидія Львовна еще сладко почивала, когда графъ былъ ужъ давно на ногахъ и рыскалъ по городу исполняя ея порученіе. Побывалъ онъ у Синяго моста въ отдѣленіи одного департамента, съ начальникомъ котораго имѣлъ разговоръ; затѣмъ, дождавшись прибытія директора, попросилъ и у того аудіенціи. Собравъ самыя подробныя свѣдѣнія касательно лица, о которомъ справки обѣщался ей доставить, отъ его прямаго начальства, онъ съѣздилъ еще и въ его мѣстожительство, на Васильевскій островъ, гдѣ, помощью нѣсколькихъ подачекъ „на чаекъ" дворникамъ, добылъ массу интимныхъ свѣдѣній и убѣдился окончательно, что газетная статья, прочитанная Завольскою, не вымыселъ и даже ничуть не преувеличена. Тогда онъ со спокойною совѣстью направился въ противоположную часть города, гдѣ проживалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Богданъ Ѳеодоровичъ Бергардтъ.

— Встала-ли барышня? Принимаютъ-ли? съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ голосѣ спросилъ онъ отворившаго ему двери человѣка.

Оказалось что графа ждутъ.

Его встрѣтили въ первой пріемной комнатѣ, по провели въ слѣдующую, маленькую, „собственную" гостиную, осторожно оглядѣлись, заперли двери съ обѣихъ сторонъ и съ нетерпѣніемъ, съ блескомъ любопытства въ глазахъ, вопросительно на него посмотрѣли.

— Говорите! Узнали хоть что-нибудь?

— Говорю: узналъ все! какъ эхо отвѣтилъ Луневъ, впадая въ ея тонъ.

— Да перестаньте-жъ клоунствовать, ради Бога!.. Вотъ не подозрѣвала за вами такого таланта... Неужели и на васъ нельзя въ серьезномъ дѣлѣ понадѣяться?

На этотъ разъ голосъ ея прозвучалъ неподдѣльнымъ огорченіемъ, заставившимъ дрогнуть какую-то затаенную струнку въ глубинѣ сердца Лунева; струнку сочувственную, которую онъ усиленно заставлялъ молчать.

— Простите, простите! торопливо перемѣнилъ онъ манеру.—Я все узналъ, въ самомъ дѣлѣ. Я былъ и въ мѣстѣ служенія этого несчастнаго старика, и въ домѣ, гдѣ онъ живетъ. Я разспрашивалъ всѣхъ и всѣ показанія сходятся въ томъ, что это честнѣйшій труженикъ, добрый, прекрасный человѣкъ. Вся вина его была въ излишней добротѣ... Онъ пріютилъ этого негодяя, воспитывалъ его вмѣстѣ съ родными своими дѣтьми и не могъ рѣшиться прогнать его изъ семьи, несмотря на всѣ его безчестные поступки. Этотъ несчастный юноша кончилъ тѣмъ, что обезчестилъ и разорилъ семью дяди, которому всѣмъ обязанъ. Онъ погубилъ ихъ...

Лидія слушала внимательно, неподвижно, опустивъ глаза и высоко дыша отъ сдержаннаго волненія. Она волновалась бы еще сильнѣй если-бъ знала, какъ глубоко взволнованъ ея собесѣдникъ,—не разсказомъ своимъ о печальномъ положеніи бѣднаго чиновника, а красотой и близостью ея къ нему, все сильнѣе поднадавшему подъ иго чувства, котораго онъ боялся, не хотѣлъ, не смѣлъ испытывать болѣе.

При послѣднихъ словахъ его она вскинула на него глаза, вопросительно прошептавъ:

— Изъ-за *трехъ* тысячъ?!..

— Если негдѣ взять трехъ тысячъ—онѣ равняются тремъ милліонамъ, снисходительно возразилъ Луневъ-Запястьевъ, любуясь ею.—Племянникъ укралъ у него три тысячи казенныхъ денегъ: людей за растрату трехъ казенныхъ рублей, если они не могутъ ихъ пополнить, судятъ и караютъ!.. Доказательствъ на воровство племянника — у него нѣтъ, хотя оно ясно. Тотъ застрѣлился, да если бъ даже былъ онъ живъ и самъ сознался въ воровствѣ,—это не облегчило бы положеніе старика: законъ не принимаетъ такихъ оправданій... Онъ долженъ лишиться мѣста и если-бъ даже онъ не пошелъ въ Сибирь—семья его пойдетъ по міру!

— Нѣтъ, не пойдетъ! горячо вскричала Лидія.

И продолжала тише:

— Вѣдь онъ еще не подъ судомъ? Вѣдь есть еще время и если онъ внесетъ три тысячи, его не выгонятъ со службы?.. Что вамъ говорили тамъ,—въ его департаментѣ?.. Вѣдь вы спрашивали?.. Ахъ, да что-жъ вы не говорите! нетерпѣливо топнула она ногой, какъ избалованный, несдержаный ребенокъ.—Это несносно!

Графъ Луневъ опомнился, отвелъ отъ нея глаза, сообразилъ вопросы.

— Да, да!.. Конечно, спрашивалъ. Срокъ ему данъ десяти-дневный.., Еще три дня осталось...

— Ну, такъ онъ ихъ внесетъ! вскочила съ мѣста Лидія Львовна, ушла на минуту въ свою спальню и возвратилась оттуда съ пакетомъ.

Она держала его одной рукой, вся сіяя радостью, а другую протянула графу, глядя на него повиннымъ взглядомъ.

— Вы ужъ простите меня, голубчикъ, Петръ Владиміровичъ... Я такъ противъ васъ виновата!.. Вы хлопотали, встали ни свѣтъ ни заря, ѣздили по моей просьбѣ, — а я, вмѣсто спасибо, еще кричу на васъ!.. Вы не сердитесь?..

— Я! На васъ?!..

(Продолженіе будетъ).

Миражи (очерки, легенды, впечатлѣнія).

Вас. И. Немировича-Данченко.

III. Закинѳскія ночи.

Мы подплывали къ Занте въ чудную, ярко-озаренную ночь. Всѣ, кто только былъ на пароходѣ—вышли на верхъ и замерли, не отрывая глазъ отъ этихъ воздушныхъ, теперь казавшихся совсѣмъ призрачными, береговъ... Іоническое море было тихо—оно и сіяло и синѣло, а по слѣду, бѣжавшему за нами, ярко сверкали милліоны звѣздъ... Я уже былъ на Корфу, но меня предупреждали, что его красота—ничто въ сравненіи съ нѣжною прелестью Закинѳа, какъ называютъ греки свой островъ. Венеціанцы, когда-то царствовавшіе въ Средиземномъ морѣ, окрестили Занте именемъ жемчужины; ихъ поэты говорили,—что если рай напоминаетъ Закинѳъ, то стоитъ быть праведнымъ. Ароматъ апельсинныхъ и лимонныхъ цвѣтовъ, лилій и розъ, жасминовъ и левкоя—переполняетъ его воздухъ такъ, что мы приближеніе волшебнаго острова угадали издали, когда еще и берега его не показывались. Вѣтерокъ вѣялъ оттуда легкій, чуть замѣтный, но на его крылахъ уже доносился къ намъ первый привѣтъ Занте: благоуханное дыханіе его долинъ... Съ нами былъ одинъ грекъ оттуда. Онъ оставилъ родину десять лѣтъ тому назадъ и вотъ уже цѣлый день не уходилъ съ палубы, ожидая—когда его влюбленному взгляду откроются волшебныя скалы Эліо. Вечеръ покрывалъ Іоническое море багрянцемъ и золотомъ, но онъ упорно смотрѣлъ все въ одну и ту же сторону. Когда, наконецъ, подъ трепетнымъ мерцаніемъ звѣздъ легко и смѣло выступили зубцы Закинѳскихъ горъ, на его лицѣ были слезы и едва-ли увлажненнымъ взоромъ онъ различалъ ихъ милыя очертанія...

Удивительная ночь!

Такой задумчивой, мечтательной—я не помню на своемъ вѣку. Все казалось притаилось чуть дыша... Какое-то таинство совершалось и въ безднѣ неба, и въ глубинѣ моря... Никуда не тянуло, ничего не хотѣлось—такъ хороша была эта дѣйствительность! Огонекъ мелькнулъ и скрылся. Другой проступилъ, помигалъ-помигалъ и остался, точно открылъ свое пламенное око... Пароходъ шелъ прямо къ маяку, за которымъ бѣлѣлъ,—именно бѣлѣлъ какъ бѣлѣетъ серебряная глыба,—городъ лѣниво и привольно раскидывавшійся надъ заливомъ. И городъ былъ легокъ и воздушенъ,—такъ воздушенъ, что казалось онъ на мгновеніе опустился къ этимъ синимъ скаламъ. Потянетъ вѣтерокъ—и онъ подымется и медленно и плавно утонетъ въ звѣздной дали.

Когда пароходъ уже подошелъ—тяжело было оставаться и ждать утра на палубѣ... Хотѣлось скорѣе убѣдиться: призракъ это или въ самомъ дѣлѣ бѣлыя венеціанскія палаццо выросли у этихъ тихихъ и ласковыхъ водъ. За то утромъ, когда первые лучи разсвѣта облили ихъ румянцемъ, позолотили ихъ стѣны, когда позади розовыя тучи потянулись изъ просыпавшихся долинъ къ утесамъ сіявшимъ пламенными отблесками ярко, пышно рождавшагося дня,—мы не пожалѣли, что остались на палубѣ. Такой панорамы не увидѣть нигдѣ; такихъ миражей, закрѣпощенныхъ землѣ, не встрѣтишь въ иномъ краю. Я понималъ, что люди плачутъ возвращаясь сюда... Я не могъ постичь только одного, какъ на десятки лѣтъ можно оставить этотъ край чудесъ.

Всѣ торопились на берегъ, я оставался и смотрѣлъ. Никогда еще природа не являлась мнѣ въ такомъ обаяніи. Не только небо было сине, не только море мерцало въ лазурномъ блескѣ,—самыя тѣни здѣсь ложились на все, прозрачнѣе и голубѣе. Въ бездонномъ зеркалѣ залива отражался весь въ этихъ голубыхъ тѣняхъ бѣлый городъ, стройныя лиственницы, пышные платаны, зигзаги старыхъ стѣнъ взбиравшихся къ башнямъ вѣнчающимъ утесы. А вдали за ними... цѣлая перспектива смутныхъ, но величавыхъ вершинъ. Воображеніе подсказывало между ними несравненную прелесть теплыхъ долинъ, гдѣ цѣпкая лоза вьется вокругъ вѣковыхъ буковъ и съ невиданною роскошью жизнерадостный, полный творческихъ силъ Югъ блещетъ такими сочетаніями формъ, цвѣтовъ, оттѣнковъ, что ни кисти художника, ни слову поэта—не передать ихъ живые образы... Наконецъ надо было съѣхать. Послѣдняя лодка чуть-чуть шевелилась на голубомъ зеркалѣ моря у нашего парохода... „Вы съ нами дальше?“ спросилъ меня капитанъ. Я взялъ свои вещи, сбросилъ ихъ съ трапа прямо на руки черноглазому греку въ красной фескѣ и самъ послѣдовалъ за ними... Вода падала съ веселъ точно вся окрашенная въ кобальтъ сапфирами, брызги ея лучились въ теплымъ воздухѣ такой необыкновенной прозрачности, что деревья, вѣнцы алоэ и вѣеровидныя латаніи, зеленыя ладони кактусовъ —казались блѣдными тѣнями. Я уже вышелъ на этотъ волшебный островъ. И вся эта бездна внизу! Какъ она была чиста... Насквозь ее проникалъ удивленный взглядъ. Серебристые силуэты медлительныхъ большихъ рыбъ, золотистыя сѣти солнечнаго свѣта на песчаномъ днѣ, какіе-то камни, поросшіе водорослями, неподвижно вытянувшимися вверхъ. Берегъ точно шелъ на насъ, и когда я выскочилъ на каменную поверхность стараго венеціанскаго мола, мнѣ впервой пришло въ голову: куда же я? Отель съ обычными типами восторженныхъ нѣмокъ и куда-то торопящихся англичанъ, съ монотонною обстановкою, давно наскучившею, лакеями во фракахъ, „Times“омъ въ читальной и длинными столами табльдота—казался ужаснымъ. Я обратился къ лодочнику, нельзя-ли нанять комнаты гдѣ-нибудь въ городѣ.

— Тамъ старые дома... Путешественники не любятъ жить въ такихъ: мало удобствъ.

— Какіе старые дома? схватился я за эту вѣсть.

— Венеціанскіе еще.

— Вотъ такой-то именно и покажи мнѣ!.. Я заплачу тебѣ.

Онъ живо схватилъ мою сумку и двинулся въ городъ.

Тѣсныя улицы, голубая лента неба надъ головой, порою слѣпящій просвѣтъ солнечныхъ лучей играющихъ на фрескахъ или барельефахъ забытаго дворца, южно-пестрая живописная толпа—въ одно мгновеніе переживающая больше чѣмъ мы на Сѣверѣ въ цѣлый день. Площадки съ ладонь, на которыя выдвигаются царственные фасады храмовъ. Какія-то лѣстницы вверхъ, обставленныя домами, похожими на башни,—и вдругъ чудесный профиль палаццо, какихъ много въ закоулкахъ Венеціи, съ мраморнымъ кружевомъ оконъ, прорѣзанныхъ подковами, съ пестрыми облупившимися уже кое-гдѣ вставками мозаики, затѣйливыми и узорочными зубцами на кровляхъ, круглыми колоннами внизу, на капители которыхъ ваятель потратилъ все свое искусство, вырѣзавъ мраморъ какъ воскъ. Громада воротъ съ теменью и прохладою за ними, и въ этой темени едва-едва замѣтная широкая и монументальная мраморная лѣстница съ потемнѣвшими статуями, съ бюстами въ нишахъ и тонкими колоннами развѣтвляющимися въ высотѣ въ красивые и легкіе своды. Теперь, мнѣ кажется, я силой бы прорвался туда, если бы насъ не впустили. Лодочникъ увѣренно взбѣжалъ вверхъ по ступенямъ въ какую-то залу, карнизы которой являлись полосою гербовъ и коронъ, въ углахъ затканые паутиной; въ легкомъ матѣ пыли смутно обрисовывались изваянія сатировъ и нимфъ, а полъ весь былъ уложенъ шашками чернаго и розоваго мрамора. Онъ далъ тысячи трещинъ... Окна—хоть въ соборъ такія: громадныя, широкія, въ причудливомъ переплетѣ бѣломраморной рѣзьбы въ тонкихъ колоннахъ, съ вырѣзами трилистника вверху.

— Эге! заоралъ лодочникъ.

Гдѣ-то послышался отзвукъ. Откликнулся кто-то или эхо повторило.

Я имѣлъ неосторожность сунуть греку какую-то монету. Онъ радостно улыбнулся мнѣ и крикнувъ: „здѣсь—она сейчасъ придетъ!“ весело кинулся назадъ на берегъ, гдѣ его ждала новая работа и новыя драхмы... Я остался одинъ. Глупѣе положеніе трудно себѣ представить... Какая-то ящерица пробѣжала по стѣнѣ,—зеленая съ рубиновыми глазками, съ гибкимъ хвостомъ. Въ высотѣ подъ потолкомъ всполохнулась и залетала птица... Я подошелъ къ окну,—цѣлое марево плоскихъ кровель внизу и воздушная лазурь моря. И направо и налѣво, словно нѣжно раскинувшіеся обнять его, пышно млѣющіе въ солнечномъ блескѣ берега... Однако, что же это?..

— Эге! крикнулъ я, подражая лодочнику.

Тотъ же откликъ или то же эхо...

— Эге, эге! повторялъ я. Гдѣ-то что-то звякнуло, послышался трескъ, точно отворяли крѣпостную дверь, звяканіе и скрипъ желѣзнаго засова... Не тюремщикъ-ли? Вдругъ направо взвизгнули ржавыя петли, и на черно-розовый мраморъ пола легла какая-то длинная тѣнь.

— Есть-ли кто-нибудь здѣсь? спросилъ я по-итальянски.

Весь Занте говоритъ на этомъ языкѣ.

Тѣнь легла еще длиннѣе, и въ четвероугольникѣ дверей обрисовалась, точно въ рамѣ стариннаго портрета,—нѣсколько выцвѣтшая, высокая, стройная женщина вся въ черномъ; ни кровинки въ лицѣ—блѣдное-блѣдное, ни кровинки въ губахъ... только, словно чудомъ, живутъ и горятъ какимъ-то неутомимымъ блескомъ большіе, черные, печальные глаза.

— Что вамъ? спросила она меня.

— Простите... я не самъ,—лодочникъ привелъ меня и самъ ушелъ...

— Вамъ нужна комната?..

И уже не обращая вниманія на меня, она медленно, я бы даже сказалъ—царственно, прошла черезъ громадную залу къ стѣнѣ напротивъ, вставила большой ржавый ключъ въ замокъ незамѣченной мною двери, отворила ее и вошла туда. Я послѣдовалъ за нею... Вѣрно здѣсь когда-то была капелла какого-нибудь венеціанскаго патриція... Своды тонули въ высотѣ. Стѣны шли полукругомъ, и окна, съ характерною арабскою аркою, прорѣзывали ихъ чуть не у самаго карниза, такъ что широкіе лучи солнца скрещивались надъ нашими головами. Посреди, подъ балдахиномъ, который поддерживалъ бронзовыми когтями большой геральдическій орелъ,—стояла кровать, которую по размѣрамъ можно было принять за какой-нибудь

Кладовая сорокопутовъ. Рис. и грав. Р. Шпехтъ.

алтарь. Полъ былъ мраморный, стѣны также. Надъ дверями и окнами важно темнѣли, тоже окутанные паутиной, большіе щиты со львомъ, державшимъ въ одной изъ лапъ мечъ. На мраморныхъ стѣнахъ, въ почернѣвшихъ отъ времени рамахъ, портреты. Рыцари, патриціи, дожи, венеціанки,—двѣ даже въ коронахъ во весь ростъ,—смотрѣли оттуда на меня непривѣтливыми и холодными глазами.

— Я беру эту комнату.

Хозяйка поклонилась и исчезла. Казалось, ушла въ одну изъ этихъ рамъ—и на одно мгновеніе меня охватилъ соблазнъ узнать: въ которую. Оттуда она смотритъ на меня теперь, блѣдная, со своими пламенными и печальными глазами. Иллюзія была до такой степени полна, что я обошелъ всѣ портреты и только теперь понялъ въ чемъ дѣло: дверь, соединявшая эту quasi-капеллу съ большою залою палаццо, была закрыта тоже однимъ изъ портретовъ. Отворялась она—поворачивался съ нею онъ, затворялась—и онъ попадалъ на свое мѣсто въ рядъ другихъ. Я было отошелъ уже прочь, какъ вдругъ странное явленіе поразило меня: хозяйка оказалось не вышла—она смотрѣла на меня изъ глубины комнаты.

— Что за чортъ! уже вслухъ проговорилъ я и направился туда.

Дѣло объяснялось просто: въ одной изъ рамъ была изображена высокая, тонкая и стройная венеціанка, вся въ черномъ. Лицо ея поразительно напоминало хозяйку палаццо... Такое же блѣдное, тѣ же исполненные огня и печали глаза... Странно. Венеціанцы давно оставили свой Занте... Только полуразвалившіеся дворцы и напоминаютъ ихъ. Несомнѣнно, что нынѣшняя обладательница этого палаццо принадлежала знатному роду владѣвшему имъ нѣкогда... Почему же она здѣсь? Зачѣмъ ея дѣдъ что-ли не уѣхалъ отсюда? Что значитъ эта полустершаяся черная полоса шедшая черезъ весь портретъ справа налѣво? Какъ объяснить эти надписи въ углу: „позоръ и измѣна"?.. Случаенъ или нѣтъ—ударъ ножа въ лицо портрета? Несомнѣнно ударъ ножа. Какъ его ни задѣлывали потомъ, но со временемъ онъ опять выступилъ. Вотъ онъ,—вблизи его видишь ясно... Я еще пристальнѣе всмотрѣлся. Въ самомъ дѣлѣ столько тоски въ этихъ глазахъ. Что̀ значитъ этотъ черный цвѣтъ среди пышныхъ и яркихъ цвѣтовъ на другихъ портретахъ? Отчего на этой блѣдной женщинѣ—ни жемчуга, ни брильянтовъ, ни золота? Монахини тѣхъ временъ, если онѣ принадлежали знатнымъ родамъ, и тѣ носили украшенія. Тутъ же только черный бархатъ и блѣдное лицо. И ничего больше... Нѣтъ, вижу еще что-то есть... Какія-то слова; только ихъ не разобрать. Краска напухла или стерта... Я взялъ воды и брызнулъ туда. Чтобы заставить выступить полинявшіе контуры или детали древнихъ картинъ—это лучше всего. На нѣсколько мгновеній онѣ разомъ загорятся прежнею яркостью и жизнью—и теперь передо мной вдругъ, точно зловѣщая молнія, блеснула и опять потускнѣла надпись: „Sii maledetta!"

„Будь проклята!.."

Кѣмъ? За что?.. Кто эта несчастная, которой даже изображеніе не должно было знать покоя... Какая драма хранилась за этимъ старымъ кускомъ размалеваннаго холста?.. Что случилось здѣсь въ этой величавой капеллѣ?.. Всѣ эти вопросы быстро мѣшались въ моей головѣ, въ то время какъ я собираясь скорѣе познакомиться съ Занте—приводилъ себя въ порядокъ.

Теплая улица, шумная, поэтическая безпорядочность—не знающая нашихъ рамокъ жизнь, іоническое небо и іоническія волны—на цѣлый день изгнали изъ моей памяти эту блѣдную женщину съ печальными глазами.

Какъ поютъ на Занте!.. Греки вообще поютъ больше носомъ чѣмъ горломъ и грудью, а такъ какъ они похваляются большими голосами, то понятно, что и органы этихъ голосовъ—носы—должны быть грандіозны. Исключеніе—Занте. Венеціанцы оставили имъ въ наслѣдство свой вкусъ, свои мелодіи, свою манеру пѣть. По вечерамъ, казалось, волны моря и тѣ пѣли. Сотни огоньковъ на лодкахъ и въ каждой лодкѣ пѣвецъ. На улицахъ то же. Весь городъ дышитъ нѣгою и пѣсней. Днемъ—рабочіе на площадяхъ, у своихъ мастерскихъ, прохожіе, крестьяне на ослахъ,—точно пѣсня для нихъ такая же необходимость какъ дыханіе,—всѣ поютъ. Изъ каждаго открытаго окна несется пѣсня, вмѣстѣ съ нервною ритурнелью струнъ. Ходишь какъ очарованный, въ этомъ звучномъ царствѣ мелодіи. Голова кружится и сердце бьется и словно стремится къ чему-то. И восторгъ проникаетъ въ душу и невольно восклицаешь: какъ хороша, какъ хороша жизнь! Я уѣзжалъ изъ Закинѳа въ деревни, пріютившіяся на днѣ долинъ такъ, какъ будто кругомъ нѣтъ ничего—ни людей, ни свѣта. Такая тишина и такой покой... Когда я вернулся опять въ свою геральдическую капеллу стараго венеціанскаго палаццо, лунныя ночи уже кутали Занте серебряною вѣнчальною фатою своего блеска. Точно онѣ обручали этотъ городъ морю, въ каждой струйкѣ своей повторявшему свѣтлый кругъ мѣсяца. А когда просыпался вѣтерокъ и лѣниво бѣжалъ по морской поверхности, она казалась золотою кольчугою на медленно дышащей груди спящаго великана. Въ одну такую ночь я поздно вернулся домой, и первое что̀ мнѣ бросилось въ глаза, была загадочная венеціанка темнаго портрета. Луна била прямо въ нее. Рама и темный фонъ сливались съ сумракомъ капеллы. Выдѣлялось это блѣдное лицо... Какъ выходецъ изъ могилы—въ этотъ часъ оно жило,—жило, казалось, одною безконечною, неутолимою какъ страсть, больною, какъ открытая рана, печалью. Оно смотрѣло на меня такъ, что я поторопился завѣсить окно и успокоился только тогда, когда эти пламенныя очи утонули въ прозрачныхъ сумеркахъ моей комнаты.

За день я усталъ и заснулъ быстро, но сонъ у меня чуткій—и я вдругъ проснулся, или мнѣ показалось что я проснулся, часовъ около трехъ. Что̀ меня поразило—это то, что ложась въ постель я заслонилъ окно занавѣсками, а открывъ глаза—былъ весь ослѣпленъ яркимъ свѣтомъ луны. Безумнымъ свѣтомъ,—свѣтомъ, въ которомъ было что-то до напряженія живое, что-то манившее, охватывавшее душу безпредметною тоскою. Кажется сорвался бы и понесся по этому лучу—куда? въ пространство, въ блескъ, въ этотъ холодный ужасъ бездны небесной, въ эту стихійную смерть... Когда я еще разъ взглянулъ пристальнѣе въ окно—невольно вздрогнулъ, хотѣлъ подняться и не могъ... Между мною и имъ стояло что-то... Тонкое, подвижное, черное... Этотъ мертвый абрисъ—мертвой и блѣдной головы... Эти широко открытые и видимо ничего не видѣвшіе глаза изъ-подъ чернаго, низко на блѣдный лобъ падавшаго покрывала... Венеціанка вышла изъ портрета? Или это ея двойникъ?.. Я осторожно повернулъ голову къ портрету—его не было... На его мѣстѣ подъ луннымъ свѣтомъ безобразное, пустое пятно... Въ воздухѣ что-то есть... Я бы сказалъ: рыданіе, если бы хоть малѣйшій звукъ поразилъ мое ухо... Нѣтъ, была тишина и въ то же время точно что-то наполняло эту тишину своимъ неслышнымъ рыданіемъ. Долго-ли я лежалъ такъ, не знаю... Но когда я очнулся, солнце свѣтило въ капеллу, портретъ былъ на своемъ мѣстѣ. Я вскочилъ, бросился къ нему. Онъ смотрѣлъ на меня живыми печальными глазами, и странно: на тонкомъ слоѣ пыли покрывавшемъ полъ были отпечатки слѣдовъ чьей-то узенькой и маленькой ноги... Они шли къ окну и возвращались оттуда къ портрету? Обманывалось-ли мое зрѣніе? Не знаю... Когда я минуту спустя опять сталъ ихъ разсматривать—ихъ уже не было. Они точно расплылись, какъ расплываются звуки въ тишинѣ... Дверь моей комнаты была полуотворена—тогда какъ я ее притворилъ наканунѣ. Сама она не могла отвориться... Ржавыя петли поддавались съ трудомъ и всякій разъ наполняли своимъ болѣзненнымъ скрипомъ тишину моей спальни...

Ото всего этого у меня на душѣ остался смутный слѣдокъ не страха—чего же бояться портрета!—а скорѣе смятенія, чувство какой-то неизвѣстности, чего-то загадочнаго, недоступнаго моему пониманію... Къ счастію или къ несчастію, въ тотъ же день мнѣ удалось познакомиться въ мѣстномъ кафе съ старожиломъ Занте, влюбленнымъ въ свой островъ и городъ. Мы разговорились о далекомъ прошломъ этого райскаго уголка. Онъ мнѣ передавалъ его легенды, хранившія еще отпечатокъ своего венеціанскаго происхожденія, когда вдругъ рѣчь зашла о дворцѣ Попадополи...

— Да я въ немъ живу... обрадовался я возможности собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о своей резиденціи.

— Не правда ли—это скорѣе музей, чѣмъ жилой домъ?.. Одинъ англійскій путешественникъ назвалъ его безобразною глыбою камня. Но въ этой глыбѣ больше красоты, чѣмъ во всѣхъ старыхъ аббатствахъ Англіи.

— Да... Особенно моя спальня. Она похожа на капеллу, знаете...

— И вся въ портретахъ и щитахъ со львами... А въ ключѣ сводовъ вверху изображена змѣя, свившаяся кольцомъ.

— Именно... именно...

— Такъ и есть,—комната черной женщины... Однако вы храбрый человѣкъ!

— Почему? Какая же особенная смѣлость нужна...

— Или вы особенно крѣпко спите по ночамъ?.. Вамъ еще, засмѣялся онъ,—не являлась „проклятая"?

— Сегодня ночью я ее видѣлъ во снѣ.

— Во снѣ? обидѣлся онъ.—Нѣтъ, извините, это не во снѣ; во-первыхъ, ее видѣли многіе, а во-вторыхъ, появленіе черной женщины или такъ-называемой „проклятой" записано во всѣ наши хроники. Она знатнаго рода. Самаго знатнаго какіе только были у насъ. Попадополи происходятъ отъ византійскихъ императоровъ и въ Венеціи они были первыми вельможами. Они дожескіе колпаки носили и арміями командовали, и громадными провинціями управляли. Они гордились тѣмъ, что къ ихъ благородной крови никогда не примѣшивалась кровь рода не считавшаго въ своей средѣ императоровъ, королей и знаменитыхъ полководцевъ. За единственнымъ исключеніемъ... И это исключеніе именно и была „черная женщина". Это наша Закинѳская легенда, и здѣсь ее разскажетъ вамъ каждый школьникъ...

— Прежде чѣмъ вы ее передадите мнѣ, не объясните ли почему моя нынѣшняя хозяйка такъ похожа на черную женщину?

— Это все вы узнаете изъ легенды... Только пойдемъ къ морю. Здѣсь становится нѣсколько душно...

Попадополи отъ имени Венеціи правили Закинѳомъ. Не было рода горделивѣе: казалось, они были въ высотѣ, а цѣлый міръ, жалкій и презрѣнный, копошился у ихъ ногъ.

Умирая они приказывали хоронить себя въ сводахъ храмовъ, въ высотѣ, чтобы ничья нога не попирала мѣста гдѣ лежитъ ихъ прахъ. Они не говорили съ народомъ — ихъ волю объявляли глашатаи. До нихъ венеціанскіе правители показывались Закинѳцамъ — изъ того окна, которое освѣщаетъ вашу спальню... Попадополи не могли унизиться до этого — они бросали народу въ окно медали со своимъ изображеніемъ — и только. Они предсѣдали въ судахъ и совѣтахъ. Въ храмы они шли крытыми галлереями и молились за рѣшетками, сквозь которыя чернь не видѣла ихъ лицъ... Одинъ изъ нихъ, подражая греческимъ императорамъ, въѣхалъ разъ въ соборъ верхомъ и заставилъ священника подать ему просфору, которую и взялъ концомъ своего копья. Небо молчало; Византія, изнывавшая подъ владычествомъ турокъ, смотрѣла на Попадополи какъ на родъ, предназначенный впослѣдствіи носить корону Багрянороднаго. Венеція дорожила службою ихъ, потому что такимъ образомъ она держала въ рукахъ населеніе Іонійскихъ острововъ, Мореи и Кипра... Но своего апогея достигли высокомѣріе и гордость Попадополи при Іоаннѣ, правителѣ Занте и Корфу. Онъ заставилъ свою дочь носить всю жизнь покрывало, чтобы даже взглядъ равныхъ ей по происхожденію не смѣлъ подыматься на ея лицо. Оттого, лишенное солнца и воздуха, оно приняло мертвенную бѣлизну, какъ вы и видите на ея портретѣ. Іоаннъ предназначалъ ее замужъ за Германскаго императора. Дѣла священной Римской имперіи тогда поколебались, и несмѣтныя сокровища Попадополи могли бы ихъ поправить. Этотъ бракъ удовлетворялъ честолюбію ея отца, и онъ уже видѣлъ на челѣ своей дочери соединенные вѣнцы Запада и Востока. Ему казалось такъ легко, опираясь на могущество Европы, уничтожить Турцію и посадить на тронъ Византійскій свою дочь... Въ ней были всѣ его надежды, и она воспиталась въ преданіяхъ и предразсудкахъ своего рода. Казалось, гордость послѣдняго тускнѣла передъ ея гордостью!.. Шли уже переговоры съ Римскимъ императоромъ. Послы его собирались ѣхать съ согласіемъ отца и его подарками. Лѣто стояло жаркое, и во дворцахъ Занте люди задыхались отъ зноя... Семья правителя направилась въ горы, гдѣ у него были чудныя виллы, тонувшія въ пышной зелени, освѣжаемыя безчисленными ручьями; сѣмена дивныхъ цвѣтовъ присылались сюда со всѣхъ концовъ міра и благоуханія ихъ слышались днемъ и ночью; миріады птицъ слетались въ сады Попадополи... Только голосъ человѣка рѣдко раздавался въ нихъ. Правитель запретилъ своимъ рабамъ говорить громко, и когда семья его жила здѣсь—они переговаривались шепотомъ. Слуги какъ призраки скользили по мраморамъ и мозаикамъ — и дочь Іоанна не считала ихъ даже людьми одаренными словомъ. Она сама приказывала имъ знаками... Она равнодушно слушала только ихъ крики, когда за малѣйшую неосторожность или незначущую оплошность ихъ предавали мучительнымъ истязаніямъ. Жалость ни разу еще не проникала въ ея сердце, и она даже ничтожнымъ жестомъ своей прекрасной руки никогда не остановила еще лютыхъ казней, какимъ подвергали провинившихся рабовъ.

Была ясная ночь. Чистая, звѣздная, прозрачная, какія только и бываютъ надъ Іоническимъ моремъ, когда и безъ луны свѣтло, когда цвѣты дышатъ несравненными ароматами, ручей съ ручьемъ перешептываются влюбленными струйками и листъ къ листу нѣжно и страстно льнетъ на деревьяхъ. Дочери Іоанна Попадополи не спалось. Душно-ли ей было, или отъ запаха лилій кровь ей къ вискамъ прилила и сердце забилось съ непривычною истомою, только она встала съ постели и перебралась къ окну... Темный садъ за нимъ, казалось, весь жилъ въ эти часы кажущагося покоя... Въ верхушкахъ платановъ и магнолій громко звенѣли цикады, во мракѣ благоухающихъ кустовъ внизу вспыхивали, сверкали и гасли свѣтляки. Ночныя бабочки медленно проносились въ тепломъ воздухѣ, меланхолически жаловался на что-то фонтанъ... Издали чуть слышно доносился трепетъ моря подъ нагрѣтыми за день скалами... Порою ухо ловило едва замѣтный трескъ — это лопались почки, „почной цвѣтокъ" разсыпалъ кругомъ свою животворящую пыль. Трава мягко шуршала... Змѣя ползла въ ней или ящерица быстро и юрко бѣжала куда-то... Странное дѣло — никогда еще сердце дѣвушки не болѣло такъ, не стремилось куда-то, не было полно неутолимыми желаніями какъ именно въ эту ночь. Неутолимыми, потому что она не знала имъ имени... Легкій шелкъ наброшеннаго ею на себя покрывала показался тяжелѣе. Она скинула его и высунувшись въ окно жадно задышала ночною прохладой. Какъ вдругъ... Голоса недоставало этой ночи, не было пѣсни, чтобы зачаровать все кругомъ, и эта пѣсня раздалась смѣло и звучно за тяжелою и непроницаемою стѣною кактусовъ... Дѣвушка не знала кто это поетъ, она не разбирала словъ, потому что они были на неизвѣстномъ ей языкѣ. Она чувствовала только такой приливъ несбыточнаго счастія, такое блаженство захватывавшее въ свой головокружащій вихрь, что казалось сердце тянулось за этою пѣсней, и порвись она — и оно бы оборвалось... Но пѣсня погасла, а сердце только заболѣло пока она снова не началась еще громче, еще счастливѣе, еще заманчивѣе. Никакое колдовство до сихъ поръ, ни порча, ни очарованіе не могли проникнуть за стѣны дворцовъ Попадополи — а эта пѣсня оказалась сильнѣе порчи, колдовства. Она еще не знала всей силы человѣческаго голоса. Пѣвцы Венеціи и Тосканы заѣзжавшіе сюда — никогда не производили на нее такого дѣйствія. Слушая ихъ въ залахъ полныхъ народа, въ яркомъ блескѣ тысячи восковыхъ свѣчей — она оставалась равнодушною и не замѣчала пульсовъ бившихся въ каждомъ словѣ ихъ пѣсенъ. Теперь дѣло другаго рода... Теперь она цѣлый день послѣ этой ночи ходила какъ потерянная, точно прислушиваясь къ отголоску этихъ пѣсенъ, еще звучавшему въ ея душѣ. Она даже низошла до того, что спросила свою дуэнью — кто это поетъ...

— Рядомъ съ виллою — бѣдный садъ одного Зантіота... Его все время не было. Говорятъ, онъ дрался съ турками и только теперь вернулся... Если пѣсни его мѣшаютъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! остановила дѣвушка усердную старуху. — Ни ему, ни кому другому не говорите ни слова... Пусть поетъ. Что мнѣ за дѣло!..

И она опять погрузилась въ величавое спокойствіе. Но оно продолжалось только до вечера... Когда стемнѣло, распустились повсюду благоуханныя чашечки каприфолій, она ужъ сидѣла у окна тщетно сдерживая бьющееся сердце. Но въ эту ночь пѣсни почему-то не было. Сквозь переплетавшіеся кактусы она видѣла огонекъ въ скромной хижинѣ молодаго грека, но онъ молчалъ и скоро огонекъ его погасъ. Она чуть не плакала, прислушиваясь къ тяжелому безмолвію ночи... Да и самая ночь была не такова какъ прошлая. Ни одной звѣзды въ небесахъ покрытыхъ сѣрою марью, ни жизни въ саду. Молчали цикады, свѣтляки рѣдко-рѣдко вспыхивали и только филинъ плакалъ вдали, да змѣи шуршали въ травѣ. Самое море молчало и тяжело лежало у скалъ. Дулъ южный вѣтеръ изъ Африки, нанося на счастливые Іоническіе острова мертвящее дыханіе Самума... И еще ночь прошла безъ пѣсни. На четвертую дѣвушка уже засыпала въ постели, какъ вдругъ счастливая и восторженная опять раздалась за стѣною кактусовъ пѣсня вернувшагося героя. Гордая дочь Попадополи босикомъ вскочила, побѣжала къ окну и замерла тамъ, стараясь не проронить ни одного звука чаровавшаго ее и охватывавшаго всю ея душу странною и непонятною властью... Теперь только къ звукамъ пѣсни присоединился трепетъ струнъ...

Прошла часть лѣта...

Дѣвушка видимо измѣнялась. Блѣдное, мертвенно блѣдное лицо, до сихъ поръ не оживлявшееся никогда, теперь то и дѣло вспыхивало румянцемъ. Ея движенія стали болѣе порывисты. Разъ она даже ушла одна въ садъ и тамъ у кактусовъ стояла долго и смотрѣла на сосѣднюю лачугу. Но тамъ было пусто на этотъ часъ. Чего съ ней не случалось никогда, безсмысленныя, безпредметныя слезы часто навертывались на ея глаза. И въ первый разъ какъ при ней рука управляющаго, вооруженная бичемъ, поднялась надъ помертвѣвшимъ отъ страха невольникомъ — она строго остановила перваго:

— Довольно... Я не хочу этого...

Она не докончила странной мысли пришедшей ей въ голову, иначе она бы сказала: пусть здѣсь всѣ будутъ счастливы. Разъ когда въ безсонную ночь молодой грекъ пѣлъ свои пѣсни, какой-то шорохъ поразилъ его около... Онъ оглянулся. Ограда кактусовъ тутъ раздалась и въ просвѣтѣ ему почудилось чье-то лицо, горѣвшее восторгомъ... Ночи уже были яркія, лунныя. Онъ замолкъ...

— Пой еще, пой! послышалось ему.—Странная сила въ твоей пѣснѣ. Она влечетъ къ себѣ и манитъ. Нѣтъ возможности противустоять ей. За ней идешь невольно... или безвольно...

— Ты вѣрно невольница жестокаго Попадополи?..

Дѣвушка промолчала.

— Я часто слышу отсюда стоны и вопли ихъ рабовъ... Да покараетъ Господь гордость и злобу проклятаго рода!

— Почему *ты* его такъ ненавидишь?

— О!.. Мы, простые греки, дрались за свободу нашей родины, хотя намъ эта свобода даетъ все ту же нищету... А Попадополи—кичливые потомки императоровъ Византіи—ни разу не стали во главѣ возставшихъ. Хоть побѣди мы сегодня—завтра они возсѣли бы на тронъ Багрянороднаго... Мы любимъ свободу какъ женщину, ни на что не надѣясь—для нея самой... Они любятъ ее только тогда, когда она имъ приноситъ выгоды... Подлый родъ тирановъ!.. Пройди здѣсь во всѣ лачуги Закинѳа, прислушайся къ голосу старцевъ, дѣтей, дѣвушекъ, зрѣлыхъ мужей, воиновъ, рабочихъ — нигдѣ ты не уловишь ни одного благословенія Попадополи. Ихъ клянутъ, какъ клянутъ палачей. Все это богатство выросло на слезахъ и крови грековъ. Сотни тысячъ людей кругомъ стали жалкими нищими, чтобы одинъ родъ Попадополи возвеличился и вознесся надо всѣми... Но Господь справедливъ, Онъ терпитъ до времени... Небесный огонь въ нежданную минуту упадетъ на высокомѣрныхъ...

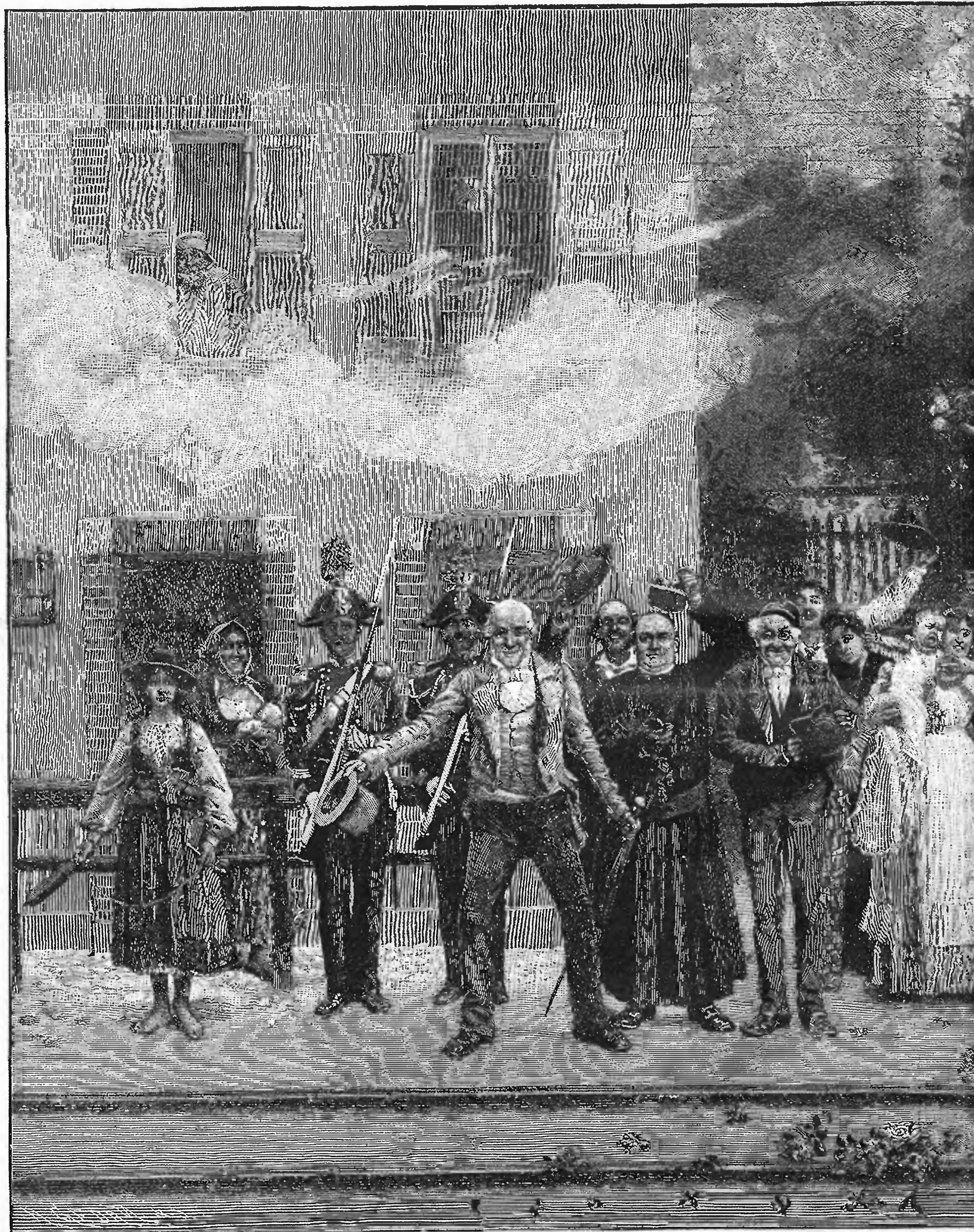
И вдругъ, наклонясь, онъ схватилъ горсть песку и разбросалъ его во всѣ стороны.

— Такъ расточитъ Онъ враговъ Греціи — и когда она воспрянетъ—умрутъ и исчезнутъ гордые Попадополи!

Потомъ онъ опять запѣлъ свою пѣсню. Полная уже тоски и горя, прислушивалась къ ней дѣвушка.

— Отчего ты не выйдешь сюда? улыбнулся онъ ей.

И взявъ топоръ, срубилъ одинъ изъ толстыхъ кактусовъ.

Король пріѣхалъ! Съ кар

т. Монтегацца, грав. Геданъ.

Робко она проскользнула въ образовавшуюся щель, и когда пѣвецъ взялъ ее за руку—отъ одного прикосновенія жгучее чувство охватило ее... Ей закружило голову... Она ничего не видѣла, ничего не слышала... Она не замѣчала, какъ безумно восторженно сіяла луна надъ ними, какъ пѣло имъ внизу море, какъ при видѣ ихъ изнывали и умирали цвѣты, исходя самыми одуряющими ароматами, какъ пальма вздрагивала перистою вершиною, точно огонь пожиравшій ихъ пробѣгалъ и по ней до послѣдняго узорчатаго листа ея короны. Огонь разсвѣта, вспыхнувъ на горахъ Албаніи и Мореи, заставилъ очнуться дѣвушку. Она низко-низко накинула покрывало на горѣвшее отъ его поцѣлуевъ лицо и ускользнула въ виллу, кинувъ молодому пѣвцу: „до завтра!..“

А завтра была такая же ночь. Казалось, вся природа кругомъ горѣла и томилась, море молило о чемъ-то, никли розы охваченныя страстью...

— Скажи, кто ты? шептала дѣвушка, склонясь на могучее плечо молодаго грека.

— Я?.. усмѣхнулся онъ.—Ты невольница, раба, но ты царица въ сравненіи со мною... Никто не знаетъ здѣсь, что я сынъ казненнаго Костаки.

Дѣвушка вздрогнула. Костаки были республикою лишены всѣхъ правъ и прокляты церковью. Грекъ замѣтилъ это движеніе и оттолкнулъ ее.

— Иди прочь!.. Я признанъ Венеціей и Турціей ниже и хуже собаки,—да, но я ношу высоко голову, потому что нашъ родъ не опозорилъ себя ни одною измѣною Греціи! Мы всегда дрались за нее и умирали. Ни одинъ Костаки не кончилъ своей жизни въ постели... Мой отецъ задавленъ въ висѣличной петлѣ въ Адріанополѣ, дѣдъ — обезглавленъ Венеціей!.. Теперь мы хуже змѣи, которую спѣшитъ раздавить каждый прохожій; но день, когда Греція очнется и воскреснетъ, будетъ и для насъ днемъ величайшаго торжества. Память нашу оправдаютъ и возвеличатъ своихъ мучениковъ.

— Ты не такъ понялъ меня... Не отвращеніе, а страхъ за тебя заставили меня вздрогнуть.

— Страхъ?.. Костаки его не знаютъ. Я умру, какъ умеръ мой отецъ... Раньше или позже — не все-ли равно?.. Страхъ! Моя мать была зарѣзана арнаутами, сестра кинулась съ одной изъ Морейскихъ скалъ въ кипучую бездну Коринѳскаго залива, когда ее вели въ гаремъ къ пашѣ... Я объявленъ и султаномъ и дожемъ — презрѣннымъ, внѣ закона... Но я не знаю страха... Что такое страхъ? Онъ свободнаго дѣлаетъ рабомъ... Кто хочетъ служить свободѣ—тотъ навсегда разстается со страхомъ...

За лунными ночами настали темныя, звѣздныя... За звѣздными—опять лунныя...

И какъ только тьма окутывала землю, гордая дочь Попадополи, завернувшись въ черное покрывало, спѣшила въ лачугу Костаки. Тамъ весь міръ уходилъ изъ ея сознанія. Ей казалось, что кругомъ нѣтъ ничего—какая-то бездна... И они одни только во всей вселенной плаваютъ въ свѣтломъ облакѣ такого счастья, какое лишь разъ въ жизни выпадаетъ на долю человѣку, чтобы потомъ до самой смерти онъ вспоминалъ его съ тоскою и блаженствомъ. Отцвѣли весеннія розы, и лѣтніе цвѣты стали осыпаться... Пожелтѣла сожженная солнцемъ трава, суше и желтѣе стала широкая листва на деревьяхъ, ласковое море становилось грознымъ и по ночамъ бѣшено вспѣненными волнами, разбрасывая по вѣтру бѣлыя гривы, неслось въ зловѣщіе гроты. Утесы вздрагивали отъ его ударовъ. Сѣверный вѣтеръ, оставивъ за собою Альпы, быстро пробѣгалъ черезъ Адріатику, срывалъ со скалъ Корциры чреватыя молніями тучи и какъ оскорбленіе бросалъ ихъ прямо въ лицо блѣднѣвшему Закинѳу...

Разъ дочь Попадополи сквозь дождь и бурю пробѣжала, въ черную злую ночь, къ хижинѣ своего избранника.

Она была пуста. Факелъ валялся въ углу. Она его зажгла... Осмотрѣла стѣны. На одной изъ нихъ было выцарапано ножемъ:

„Меня узнали... Я въ тюрьмѣ Закинѳа... Участь отца и дѣда ждетъ меня. Живи... будь счастлива...“

Факелъ упалъ. Смолистое дерево ярко пылало. Краснымъ языкомъ обвило оливковый пень, стоявшій въ углу. Затрещалъ и зашкрипѣлъ тотъ. Полымя рвалось, лизнуло низкую кровлю... И когда дочь Попадополи очнулась, лачуга Костаки уже пылала. Дѣвушка бросилась домой—и была пора. На огонь бѣжали люди.

— Гдѣ молодой пѣвецъ? спросила она на другой день у своей дуэньи.

— Грекъ?.. Это оказался великій злодѣй. Его открыли... Имя его Костаки. Отецъ, чтобы доказать Турціи дружбу Венеціи, приказалъ его выслать султану.

— Что съ нимъ сдѣлаетъ тотъ?

— Сожжетъ живымъ.

— Гдѣ онъ теперь?

— Въ тюрьмѣ Закинѳа. За нимъ пріѣдетъ турецкій корабль.

Дѣвушка смолкла. Цѣлый день она обдумывала что-то. Вечеромъ отецъ сказалъ ей:

— Завтра я жду пословъ императора за тобою... Будь готова. Я ужь вижу вѣнецъ сіяющій надъ твоей головой.

Она не отвѣтила ему ни слова.

Попадополи объяснилъ это гордостью, и ему еще болѣе дорога стала дочь за это. Цѣлый міръ, казалось ему, долженъ быть у ногъ той, которая даже передъ нимъ, передъ своимъ отцомъ, ни разу не склонилась съ покорностью и любовью дочери. Вечеромъ она проникла въ комнату, гдѣ спалъ отецъ, и взяла изъ-подъ его изголовья перстень—знакъ его власти. Потомъ сама прошла въ конюшню и выбрала себѣ лучшаго коня, осѣдлала его, сѣла и вихремъ понеслась къ Закинѳу. Ночь опять была черная. Сорванныя съ утесовъ Корциры, чреватыя грозою тучи надъ Занте разрѣшались молніями и громами. Дождь хлесталъ платаны, оливы; низко-низко, къ самой землѣ, вѣтеръ гнулъ гибкія пальмы. Дорога шла карнизами скалъ,—но дѣвушка не боялась ничего. Она неслась впередъ, и когда вдали внизу показалось бѣшено кипѣвшее море, когда подъ ударомъ одной изъ молній на мгновеніе выступилъ изъ непроглядняго мрака весь бѣлый Закинѳъ, со своими дворцами, башнями и стѣнами, ступенями плоскихъ кровель, сползающихъ къ самому морю — дѣвушка пріостановила коня.

Въ воротахъ Маріи Пречистой ее остановила стража.

Она показала отцовскій перстень, и начальникъ караула съ почетомъ впустилъ ее.

— Проведи меня къ тюрьмѣ.

Улицы были черны. Молніи ужь блистали далеко. Въ Закинѳѣ тускло свѣтились только лампады передъ иконами вдѣланными въ стѣну. Эти лампады горятъ здѣсь и до сихъ поръ. Отъ непогоды онѣ защищались стеклами вдѣланными въ нищи. Подъ слабымъ сіяніемъ ихъ дѣвушка видѣла кое-гдѣ вывѣшенныя знамена со львомъ Св. Марка, высокія мачты посреди площади съ хоругвями Попадополи.

— Что это? спросила она у провожатаго.

— Завтра за дочерью правителя являются послы императора.

Дѣвушка усмѣхнулась. Вотъ и тюрьма. Глыба свалившагося камня... Точно змѣиный ходъ—нора, гдѣ сидятъ караульные. Она смѣло вошла туда. Сыро и душно... Вода каплетъ со сводовъ, черныя лужи на камняхъ пола. Вездѣ орудія пытокъ. Зловѣщій отсвѣтъ факеловъ дробится въ горбинахъ и изломахъ камня.

— Именемъ правителя... ты свободенъ!..

Костаки смотритъ на нее ничего не понимая. Но перстень открываетъ ему дорогу... Солдаты—преклоняютъ оружіе... Впереди тѣ же багровые факелы освѣщаютъ имъ дорогу...

Дѣвушка вышла съ нимъ на улицу. Узникъ съ жадностью втягивалъ холодный воздухъ свободы.

Она приказала солдатамъ вернуться...

— Кто ты? спросилъ ее съ изумленіемъ освобожденный.

— Погоди. Сначала надо выбраться изъ города...

Они долго плутали по его переулкамъ, теряя въ темнотѣ дорогу и снова попадая на нее.

— Кто ты? опять спрашивалъ ее Костаки.

— Зачѣмъ тебѣ. Я люблю тебя.

— По какою силою—властью облечена ты? Какъ зовутъ тебя?

— Отнынѣ будутъ звать „проклятой“!..

До городскихъ воротъ выходившихъ на берегъ моря — они добрались тогда, когда изъ ночнаго мрака вдругъ выдѣлились и блѣдныя проступили вершины башенъ и зубцы стѣнъ...

— Разсвѣтъ! Скорѣе!.. Скорѣе!..

Но утро здѣсь смѣняетъ быстро ночную темень. Когда бѣглецы добрались до „marina“, былъ уже день. Тучи быстро бѣжали по просвѣтлѣвшимъ небесамъ. Изъ-за Мореи выходило солнце... Костаки кинулся въ первую попавшуюся ему лодку. Море ревѣло у береговъ, дальніе его валы подымались какъ горы. Вѣтеръ рылъ бездны между ними, въ глубинѣ которыхъ вода шипѣла точно подстерегая жертву. Цѣлыя облака пѣны срывало ураганомъ и несло въ просыпавшійся городъ. Костаки работалъ веслами, но море опять выбрасывало его лодку назадъ къ берегу... Въ одну изъ такихъ минутъ—когда носъ ея врѣзался въ песокъ маринъ, передъ молодымъ грекомъ и дѣвушкой выросла стража.

— Сегодня у правителя похищенъ перстень... Эта дѣвушка показывала его намъ и именемъ Попадополи освободила Костаки... Взять ее!..

Тщетно Костаки боролся съ солдатами. Скоро онъ былъ въ ихъ рукахъ. Она и не пробовала сопротивляться. Она только низко опустила свое покрывало, и ихъ повезли черезъ Занте въ лѣтній дворецъ правителя. Попадополи самъ встрѣтилъ ихъ. Кругомъ стояла его свита. Смѣлое воровство перстня цѣлый домъ подняло на ноги. Стучались даже къ его дочери. Но двери ея были заперты, и отецъ не приказалъ ее тревожить.

— Пусть спитъ будущая императрица...

Костаки вошелъ съ гордо поднятой головою. Глаза его горѣли ненавистью. На оскорбленія стражи — онъ молчалъ. Но въ виду своего врага — онъ улыбнулся презрительно и выпрямился такъ, точно онъ былъ здѣсь Попадополи, а тотъ его узникомъ.

— Не далеко-же ты ушелъ отъ меня! встрѣтилъ его Попадополи.

— За то душа моя скоро далеко уйдетъ отъ этого подлаго міра... Мы встрѣтимся тамъ! указалъ онъ въ небеса.

— Ты проклятъ и туда тебя не пустятъ.

— Проклятія земли слишкомъ тяжелы чтобы долетать до небесъ. Только стоны рабовъ и бѣдныхъ подымаются къ престолу Божьему... И тѣми ты давно осужденъ; твое счастіе — здѣсь, наше — за гробомъ. Не все-ли равно какъ переступить черезъ его порогъ? Лишній часъ или день страданія — не дѣлаютъ разницы. Умирать тяжело только тиранамъ и палачамъ... А ты всю свою жизнь былъ таковъ... Проклятіе твоему дому и роду!..

Но тутъ его сообщница схватила его за руку.

— Молчи!.. хоть ты-то не проклинай меня!

И она сбросила покрывало... Свита оцѣпенѣла... Попадополи зашатался и долженъ былъ прислониться къ коринеской колоннѣ чтобы не упасть...

— Дочь моя!.. вырвалось у него.

Костаки отшатнулся. Неужели онъ былъ орудіемъ небеснаго мщенія этому гордому роду притѣснителей?

— Да, твоя дочь... Обрученная невѣста Римскаго императора!..

Костаки замуровали живаго въ стѣны виллы.

Попадополи приказалъ молчать свитѣ. Когда послы императора явились — имъ было объявлено, что дочь правителя внезапно умерла... Она жила нѣсколько мѣсяцевъ въ комнатѣ которую вы называете капеллою и затѣмъ была заточена въ склепъ за своимъ портретомъ. Стѣна туда была задѣлана, память несчастной проклята.

Сынъ Костаки явился мстителемъ за свой народъ. Отъ руки его и его дѣтей гибли Попадополи. Костаки настигали ихъ всюду и сами въ свою очередь умирали подъ ударами мечей въ бою или подъ топорами на плахѣ. Послѣдній Костаки — былъ вождемъ возставшихъ Закинѳцевъ. Онъ долгіе годы держался въ горахъ и ущельяхъ, пока турки не были изгнаны оттуда. Этотъ родъ весь служилъ свободѣ. Въ тотъ день когда Закинѳъ освободился отъ турокъ — умеръ послѣдній Костаки въ семибашенномъ замкѣ Стамбула и въ тотъ-же часъ въ венеціанскихъ тюрьмахъ, обвиненный въ позорномъ преступленіи, задушенъ сынъ послѣдняго изъ Попадополи. Отъ гордаго рода, отъ его сокровищъ и богатствъ — не осталось ничего. Господь стеръ его съ лица земли, и только изрѣдка въ капеллѣ стараго дворца показывается призракъ гордой дочери Попадополи...

О Костаки остались легенды, внимая которымъ наши дѣти растутъ бойцами за независимость своей родины, остались пѣсни, которыя мы поемъ до сихъ поръ. Но тотъ въ комъ бьется сердце мужа не можетъ ихъ слышать равнодушно. Рука при ихъ звукахъ невольно ищетъ оружія... А дѣвушки — тѣ до сихъ поръ идутъ на эти пѣсни какъ бабочки на огонекъ, вспыхнувшій среди ночной темени.

— Но что значитъ, что хозяйка моего дворца, такъ напоминаетъ дочь Попадополи?

— Явленіе повторяющееся каждое поколѣніе. У хозяевъ, владѣющихъ дворцомъ, рождается всегда дочь похожая на этотъ портретъ... И странно — она кончаетъ жизнь одинокою, внушающею страхъ всѣмъ приближающимся къ ней. Говорятъ, что надъ родомъ тяготѣло проклятье до тѣхъ поръ пока существовалъ онъ; теперь оно лежитъ надъ дворцомъ этого рода...

Больше я не видѣлъ призрака несчастной дочери Попадополи.

Былъ-ли это онъ, или хозяйка въ лунатизмѣ входила въ мою комнату въ тотъ разъ — не знаю... Я скоро уѣхалъ изъ Занте. Мнѣ никогда не забыть послѣднюю ночь, когда стройный силуэтъ благоуханнаго острова уходилъ отъ меня въ свѣтлую даль іонической ночи среди синихъ водъ своего моря — задумчивый, поэтическій, весь кажущійся воплощенною легендою... Ярко горѣли звѣзды. Полярная была далеко на сѣверъ, и я долженъ былъ подвигаться къ ней все ближе и ближе. На палубѣ матросъ запѣлъ что-то. Слова его пѣсни были мнѣ не понятны, но звуки ея падали прямо въ душу... Пѣсня то мучилась и болѣла какъ сердце истекающее кровью, то взрывалась въ высоту и какъ орлица носилась тамъ, прекрасная, вольная, зовущая къ свободѣ и подвигу...

— Какая пѣсня это? спросилъ я у капитана.

— Въ Занте ихъ называютъ пѣснями рода Костаки...

Еще разъ мнѣ привелось услышать ее въ Патрасѣ.

Тамъ есть тюрьма — при мнѣ въ ней сидѣли послѣдніе клефты Пелопонеса. Они ее пѣли хоромъ, и мнѣ чудилось, что вотъ-вотъ рухнутъ разомъ каменныя стѣны этого зáмка, треснутъ и разсыплются его желѣзныя рѣшетки и какъ хрупкое стекло раздробятся тяжелые замки.

Но стѣны стояли все такъ-же... Рѣшетки чернѣли какъ и прежде.

Пѣснь — дѣлала свободною только душу человѣка...

Къ рисункамъ.

Мусульманское кладбище въ Скутари и Эюбѣ.

(Рис. на стр. 521 и 524).

Куллю нефсинъ заикатуль маутъ — „всякая душа вкуситъ смерть.“ Арабская надпись на турецкихъ склепахъ и усыпальницахъ.

Кому изъ туристовъ, побывавшихъ на Востокѣ, не знакомы мусульманскія кладбища? Еще издалека обозначаются они цѣлымъ лѣсомъ темныхъ кипарисовъ, и всякій, кто увидитъ на Востокѣ стройное очертаніе кипариса, уже заранѣе знаетъ, что подъ тѣнью его мирно покоится прахъ правовѣрнаго. Неизвѣстно, что̀ способствовало укорененію въ туркахъ этого обычая — древнее ли преданіе, унаслѣдованное отъ предшественниковъ византійцевъ, или же красота этого стройнаго и вѣчно зеленаго дерева и его душистый смолистый запахъ, поглощающій міазмы. Въ Константинополѣ, куда ни взглянешь, на окраинахъ Перы и Галаты и среди полупустынныхъ улицъ Стамбула, всюду виднѣются бѣлые мраморные столбы, украшенные чалмами и кое-гдѣ еще осѣненные кипарисами; то могилы правовѣрныхъ мусульманъ, нынѣ уступающія натиску чуждой европейской цивилизаціи, полуразбитыя и заброшенныя въ людныхъ мѣстахъ города, точно нѣмые памятники иныхъ вѣковъ и болѣе славныхъ, чѣмъ нынѣ, временъ мусульманскаго господства въ Европѣ. Но на окраинахъ „правовѣрнаго“ города Стамбула, на зеленыхъ высотахъ Эюба и вдоль древнихъ полуразрушенныхъ стѣнъ Византіи, а также за синимъ проливомъ Босфора, на священномъ берегу Азіи, за чисто турецкимъ городомъ Скутари, цѣлыя рощи кипарисовъ темнѣютъ еще не тронутыя, не оскверненныя рукою гяура, — то гигантскія кладбища мусульманъ, еще и понынѣ пріемлющія въ свою мирную сѣнь правовѣрныхъ сыновъ ислама.

Особенно славится своими вѣковыми и безчисленными кипарисами и могильными памятниками кладбище въ Скутари, нерѣдко посѣщаемое и европейскими туристами. Еще и теперь многіе правовѣрные завѣщаютъ хоронить свой прахъ на этомъ, а не на какомъ либо другомъ, кладбищѣ, какъ бы предчувствуя, что турки не останутся на европейскомъ берегу и вернутся въ Азію, свою и всего ислама родину. Кладбище это, такъ-называемое „Великое“, начинается сейчасъ-же за высотами, на которыхъ амфитеатромъ расположенъ городъ Скутари, тянется къ самому Мраморному морю до казармы Селиміе и уходитъ далеко внутрь въ долину около горы Чамлиджа, съ высоты которой туристы любуются волшебною панорамой Босфора. Занимаетъ оно площадь въ полъ-квадратной мили и содержитъ въ себѣ около 100,000 кипарисовъ и до милліона надгробныхъ памятниковъ. Нѣсколько дорогъ со старинною крупною мостовой пересѣкаютъ его въ разныхъ направленіяхъ. Здѣсь въ этомъ своеобразномъ некрополѣ вы не встрѣтите ни шума жизни, ни толпы, ни жилищъ; здѣсь нѣтъ ни присмотра сторожей, ни ухода за памятниками, какъ на нашихъ европейскихъ кладбищахъ. Подъ вашими ногами среди бурьяна и колючекъ лежатъ всюду могилы; камни и мраморные столбы, стоящіе и поваленные, испещренные кудреватыми надписями и поросшіе мхомъ, окружаютъ васъ отовсюду точно каменнымъ лѣсомъ.

Надгробные памятники мусульманъ почти всѣ одного типа. Въ лежащую горизонтально мраморную плиту водружены перпендикулярно одинъ за другимъ два мраморныхъ столба аршина въ два; на переднемъ, нерѣдко увѣнчанномъ чалмою или феской, пестрѣетъ полуарабская-полутурецкая рельефно высѣченная надпись, идущая большей частью слѣва вверхъ направо, иногда позолоченная. Между столбами въ плитѣ находится круглое отверстіе, куда наливается вода и куда иногда бросаются зерна для прилетающихъ птицъ; вокругъ ни цвѣтовъ, ни посаженныхъ растеній. Памятники женщинъ отличаются отсутствіемъ фески или чалмы, имѣютъ верхнюю оконечность вѣеромъ и украшены рельефными цвѣтами и виноградными гроздьями, эмблемами плодородія. Отсутствіе статуй и другихъ изображеній, воспрещенныхъ Кораномъ, здѣсь восполнено красивыми и нерѣдко весьма поэтическими надписями — эпитафіями. Строго религіозныя для мужчинъ, въ смыслѣ испрашиванія прощенія грѣховъ у Бога и надежды на Его милосердіе („Онъ одинъ вѣченъ! одинъ вѣчно живый! да проститъ Онъ по Своему милосердію грѣхи“ такого-то, слѣдуютъ затѣмъ имя, титулъ и офиціальное званіе покойнаго), надписи эти принимаютъ поэтическій характеръ и писаны обыкновенно въ стихахъ на памятникахъ женщинъ и дѣтей; въ нихъ эти послѣднія сравниваются съ нѣжными цвѣтами или бутонами, погибшими отъ суроваго дуновенія судьбы, и слышатся тихія жалобы на слишкомъ раннюю кончину и смертную болѣзнь (начинаются онѣ нерѣдко словами: „ахъ минъ-аль-маутъ“, т. е. о, смерть!) Мы позволимъ себѣ привести двѣ такія эпитафіи въ русскомъ переводѣ.

I.

Мой вѣрный другъ сюда пришелъ,
Въ ногахъ моихъ поставилъ камень.
Одинъ лежу, а онъ ушелъ,
Въ ногахъ моихъ стоитъ лишь камень.
. . . . *)

*) Это четверостишіе стереотипно и попадается весьма часто на небогатыхъ памятникахъ; за нимъ слѣдуютъ имя и званіе покойнаго и годъ его смерти.

II.

Одинъ Онъ вѣченъ!
Нежданно вдругъ судьба меня сразила,
Не вѣдаетъ пощады рока сила!
О, смертный! міру не ввѣряй судьбы!
Подъ дуновеньемъ рока безъ борьбы
Исчезнетъ жизнь твоя, ковыль степной,
Изъ цвѣтника обители земной.
Ахъ, горько умирать женѣ младой,
Разстаться навсегда съ семьей родной!
О, милосердный Боже, въ кущахъ рая
Да отдохнетъ душа моя младая!
А ты, прохожій, здѣсь умѣрь шаги
Молитвою жену Дервишъ-аги
Шерифу Хабибе здѣсь вспомяни
И фатиху *) предъ камнемъ симъ прочти.

Какъ мы сказали выше, никакихъ украшеній на памятникахъ не допускается, и самые богатые изъ нихъ отличаются лишь позолотою и бѣлизною мрамора, причудливыми арабесками и красотою почерка надписи. Но и они вслѣдствіе отсутствія ухода быстро приходятъ въ разрушеніе. Мусульмане торопятся какъ можно скорѣе предать тѣло покойника землѣ, поскорѣе вернуть ей „прахъ подлежащій истлѣнію“ (они хоронятъ въ самый день смерти безъ шума и безъ рыданій) и затѣмъ совсѣмъ забываютъ о могилѣ; у нихъ нѣтъ ни панихидъ, ни литій. Такъ по крайней мѣрѣ поступаютъ нынѣшніе турки. Въ болѣе древнее время къ могиламъ относились строже, съ большимъ уваженіемъ, и потому встрѣчающіеся нынѣ памятники того времени отличаются и художественностью, и солидностью и стоятъ нетронутыми по сотнямъ лѣтъ.

Тишина царитъ на Скутарійскомъ кладбищѣ. Солнце золотитъ верхушки темныхъ вѣковыхъ кипарисовъ; въ безпорядкѣ бѣлѣютъ повсюду могильные камни; куда ни взгляните, всюду кипарисы да камни; лишь изрѣдка послышится гдѣ-то среди густыхъ вѣтвей кипарисовъ воркованіе горлинки (то—души покойниковъ, по повѣрію мусульманъ), да раздается звукъ молотка: то готовятся новые памятники, новые безмолвно-краснорѣчивые жители въ обширный мусульманскій некрополь. И жутко станетъ вамъ на душѣ, и невольно оглядываетесь вы кругомъ, вспоминаете, что тутъ вы пришлецъ, чужой по національности, религіи и даже одеждѣ, и невольно охватываетъ васъ страхъ мести какого-нибудь изувѣра-турка за нарушеніе вашимъ дерзновеннымъ появленіемъ и любопытствомъ вѣчнаго покоя его предковъ. Но успокойтесь, времена миновали. Нынѣшніе турки, особенно жители Константинополя, потеряли самосознаніе какъ мусульманской общины, утратили вѣру въ себя какъ народъ ислама и растворились въ массѣ многовѣрнаго и разноплеменнаго населенія столицы, или же угрюмо и безнадежно махнули на все рукою и безмолвно вымираютъ. Европеецъ, гяуръ невѣрный, имѣетъ доступъ всюду, всюду, благодаря своимъ деньгамъ, онъ сдѣлался необходимъ и благодаря фабричному производству и изобрѣтательности своего ума наложилъ тяжелое и крѣпкое экономическое иго на весь мусульманскій Востокъ. И тѣснитъ онъ не только живыхъ правовѣрныхъ, но не оставляетъ въ покоѣ и мертвыхъ. Подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, во имя интересовъ общественнаго здравія, цѣлыя кладбища предковъ безслѣдно исчезли въ Константинополѣ въ самое короткое время, да и остающіяся большія загородныя кладбища съ каждымъ годомъ оскудѣваютъ кипарисами больше и больше, и вѣковыя деревья ихъ вырубаются и пилятся на доски для производства кипарисныхъ сундуковъ и аѳонскихъ иконъ, столь любимыхъ нашими русскими паломниками, а могильные камни разворовываются мѣстнымъ населеніемъ какъ матеріалъ для частныхъ построекъ. Не избѣжать этой роковой судьбы и Скутарійскому кладбищу; съ проведеніемъ нѣмцами желѣзной дороги въ Ангору и съ учрежденіемъ конки и фабрикъ въ Скутари, чрезъ какія-нибудь десять—двадцать лѣтъ отъ него останется лишь одно воспоминаніе.

Константинополь, 7 октября 1891 г. **С. Чахотинъ.**

*) Фатиха „открывающая“ есть первая глава Корана и весьма употребительная у мусульманъ молитва.

В. Д. Кудрявцевъ, проф. духовной академіи въ Троице-Сергіевой лаврѣ († 3 дек. 1891 г.). Съ фот. Гольдберга, грав. Шюблеръ.

Ярмарка въ Галиціи. (Рис. на стр. 525).

Страйтъ на своей картинѣ переноситъ зрителя въ живописное мѣстечко на сѣверномъ склонѣ Карпатовъ, въ Галицію. Просто и жизненно передаетъ художникъ ярмарочный день съ его оживленіемъ и пестротою, хорошо знакомою тѣмъ, кому привелось побывать въ нашихъ губерніяхъ, сосѣднихъ съ этою мѣстностью.

Кладовыя сорокопутовъ. (Рис. на стр. 529).

Мѣсто дѣйствія—чаще всего отдѣльный клинокъ лѣса среди полей и луговъ, орошаемый вытекающимъ изъ него ручейкомъ, который вскорѣ переходитъ въ небольшую рѣчку, обросшую кустами ивняка и высокими травами. По опушкѣ лѣса также цвѣтущіе кустарники—и всюду въ нихъ, по землѣ, на деревьяхъ обиліе птичьихъ гнѣздъ, откуда несутся веселыя пѣсни. Здѣсь любитель птицъ надѣется найти полную идиллію, какая только возможна въ природѣ. Но едва вступаетъ онъ подъ сѣнь опушки, какая-то птица, сидящая на кустѣ терновника, встрѣчаетъ его тревожнымъ крикомъ: „такъ! такъ!“ По мѣрѣ его приближенія, крикъ становится все безпокойнѣе и громче, и обѣ птицы, самецъ и самка, слѣдуютъ за путникомъ, куда бы онъ ни пошелъ, съ однообразнымъ и вовсе непріятнымъ: „такъ! такъ!—такъ! такъ!“ Несмотря на это, онъ проникаетъ въ таинственную чащу и не дастъ себя сбить съ толку крикомъ птицъ. Онъ знаетъ, что у нихъ тутъ гнѣздо, отъ котораго онѣ хотятъ его увести. Вдругъ на краю небольшой прогалинки передъ путникомъ открывается удивительное зрѣлище.

По вѣтвямъ терновника наколоты на иглахъ жуки, кузнечики, бабочки и другія крупныя насѣкомыя, лягушата, ящерицы, полевыя мыши, крошечныя пичуги и между ними даже совершенно взрослая голубая синичка съ ея пятью или шестью птенчиками. Это кладовая сорокопута, который имѣетъ обыкновеніе всякую добычу, не съѣдаемую тутъ же на мѣстѣ, накалывать про запасъ на иглы терновника.

А сорокопутъ ловитъ и хватаетъ все что подвернется ему въ теченіе дня, безъ устали, гораздо больше чѣмъ можетъ съѣсть, какъ истый разбойникъ, изъ одной кровожадности.

У насъ встрѣчается 4 вида сорокопутовъ, величиною отъ воробья до дрозда; но въ другихъ частяхъ свѣта виды ихъ гораздо многочисленнѣе. Наши виды: сорокопутъ большой, сорокопутъ сѣрый и жуланъ обыкновенный—настоящіе хищники; послѣдній, самый мелкій видъ, красноголовый жуланъ, питается одними насѣкомыми и совершенно безвреденъ для птицъ. Обыкновенный жуланъ, сверхъ того, цѣнится какъ превосходная пѣвчая птица.

Любитель нашъ, выбравшись изъ чащи лѣса, присѣлъ на пенекъ у опушки и вслушивается въ лѣсные голоса. Но солнце поднялось уже высоко къ полудню, и вмѣстѣ съ усиливающеюся жарой въ лѣсу всѣ пѣвцы пріумолкли одинъ за другимъ. Только стрекотъ и жужжаніе насѣкомыхъ нарушаетъ тишину. Однако вотъ внезапно раздается флейта пѣвчаго дрозда, потомъ отзывается полевой жаворонокъ, его перебиваетъ зябликъ, за нимъ коноплянка, и наконецъ какъ эхо звонкій голосъ иволги въ перемѣшку съ крикомъ перепела. Напрасно озирается любитель, отыскивая глазами всѣхъ этихъ птицъ; настоящій же знатокъ не дастся въ обманъ: ему извѣстно, что всѣ эти звуки производитъ одинъ жуланъ, который, подобно американскому пересмѣшнику, подражаетъ пѣнію большинства нашихъ птицъ. Поэтому его часто держатъ въ клѣткахъ и нерѣдко платятъ за него высокія цѣны.

Король пріѣхалъ! (Рис. на стр. 532 и 533).

Въ небольшомъ итальянскомъ мѣстечкѣ необычайное событіе. Государь, путешествуя по своей странѣ, остановится въ немъ на короткое время. Подобнаго счастія давно не выпадало на долю мѣстныхъ жителей, и они всѣ, отъ мала до велика, собрались на станцію встрѣтить своего повелителя. Кого тутъ только нѣтъ! Здѣсь и представители общины, и священникъ, и школьный учитель, и богатая сосѣдняя помѣщица со всѣми своими чадами и домочадцами. Они всѣ выстроились какъ на парадѣ, у самыхъ рельсъ. А тамъ подальше, за заборомъ, публика попроще. Но какая живописная и разнообраз-

ная публика, въ сопровожденіи доморощенныхъ музыкантовъ! Всѣ и все съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія желаннаго поѣзда. Наконецъ давно жданная минута настала. Громыхая и свистя подкатилъ поѣздъ, и у всѣхъ присутствующихъ, какъ у одного человѣка, но у каждаго по-своему, выразились и радость, и любовь, и безпредѣльная преданность своему государю, осчастливившему посѣщеніемъ мирный и счастливый уголокъ своего царства.

Фердинандъ, наслѣдный принцъ Румынскій.
Съ фотографіи грав. Флюгель.

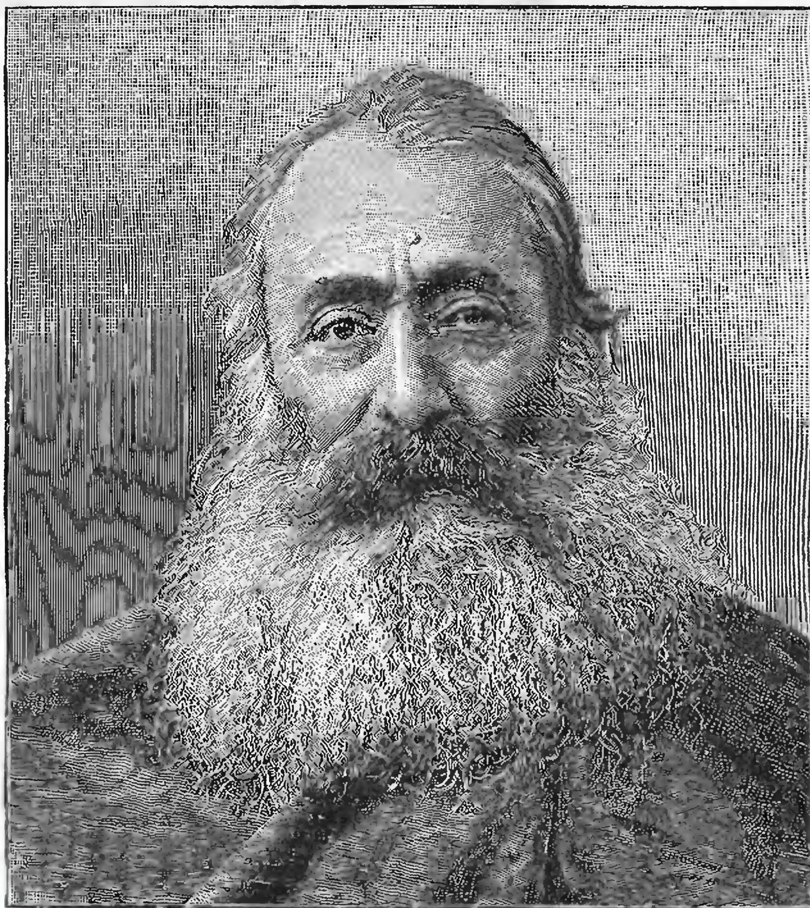

Принцесса Марія Эдинбургская.
Съ фот. грав. Флюгель.

В. Д. Кудрявцевъ († 3 декабря 1891 года).

(Портр. на стран. 536).

Еще не стало на Руси одного изъ сѣятелей „разумнаго, добраго, вѣчнаго“: 3 декабря прошлаго года скончался въ Сергіевомъ Посадѣ заслуженный ординарный профессоръ Московской духовной академіи по каѳедрѣ метафизики (философіи) и логики, докторъ богословія Викторъ Дмитріевичъ Кудрявцевъ-Платоновъ. Только духовная среда, да пожалуй еще спеціалисты чувствуютъ и понимаютъ всю величину этой утраты. А между тѣмъ это былъ философъ довольно крупной величины, какихъ очень немного было и есть въ нашей странѣ—вообще-то небогатой философскими умами; это былъ главный представитель на Руси теистической философской школы, занимавшій у насъ приблизительно такое же мѣсто, какое занимаютъ на Западѣ Ульрици, Поль Жанэ, или Секретанъ (такъ выразился одинъ изъ профессоровъ М. Д. академіи). Можно съ увѣренностію сказать, что если-бы сочиненія В. Д. Кудрявцева были переведены, напр., на нѣмецкій языкъ, Германія оцѣнила бы ихъ по достоинству, а тогда бы и у насъ имя покойнаго профессора стало пользоваться большею извѣстностію, чѣмъ какою оно пользуется въ настоящую минуту. Вѣдь существуетъ же разсказъ о томъ, какъ Шеллингъ, встрѣтивъ одного русскаго просвѣщеннаго человѣка, посовѣтовалъ этому послѣднему обратить свое вниманіе на знаменитаго отечественнаго философа, о существованіи котораго этотъ русскій образованный туристъ впервые узналъ только изъ устъ иноземнаго мыслителя: русскій философъ, рекомендованный Шеллингомъ, былъ не кто иной, какъ профессоръ М. Д. академіи Ѳ. А. Голубинскій († 1854 г.).

Архіепископъ Хриміанъ, 1-й кандидатъ въ патріархи всѣхъ армянъ.
Съ фот. братьевъ Абдуллахъ, грав. Шюблеръ.

Свое высшее образованіе В. Д. Кудрявцевъ (род. въ 1828 г.) получилъ въ Московской духовной академіи (1848—1852 гг.)—въ самую блестящую эпоху ея существованія. Это было то время, когда въ академіи подвизались лучшіе представители русской богословской науки и философской мысли—А. В. Горскій, Ѳ. А. Голубинскій и Е. В. Амфитеатровъ. Подъ вліяніемъ этихъ профессоровъ и вырабатывались у студентовъ безкорыстный интересъ къ наукѣ, любовь и почти мистическое уваженіе къ серьезному научному труду. Особенно сильно было въ академіи вѣяніе философскаго духа. Подъ вліяніемъ этой окружающей философской атмосферы и сложились первичныя основы міросозерцанія В. Д. Кудрявцева, уже на школьной скамьѣ отличавшагося выдающеюся талантливостію натуры и рѣшительною склонностію къ философской спекуляціи.

Въ 1854 году В. Д.

Кудрявцевъ занимаетъ каѳедру метафизики послѣ удаленія на покой своего знаменитаго предмѣстника Ѳ. А. Голубинскаго. Новый профессоръ своими первыми философскими трудами скоро пріобрѣлъ себѣ репутацію первокласснаго философа, такъ что уже въ 1860 году онъ получаетъ приглашеніе въ Московскій университетъ на вновь открывшуюся тогда философскую каѳедру, а въ 1861 году его зовутъ на ту же каѳедру въ Петербургскій университетъ (скоро эти каѳедры были заняты—въ Москвѣ Юркевичемъ, а въ Петербургѣ Владиславлевымъ). Но покойный профессоръ предпочелъ остаться въ любимой имъ академіи. Философская репутація Виктора Дмитріевича въ это время была уже настолько высока, что въ 1861 году онъ приглашается въ наставники къ Наслѣднику Цесаревичу, которому онъ и читалъ лекціи логики и метафизики въ теченіе года, а въ свободное время преподавалъ психологію Е. И. Высочеству Николаю Максимиліановичу Герцогу Лейхтенбергскому. Разставаніе наставника съ Августѣйшимъ ученикомъ было самое трогательное, какъ объ этомъ можно судить на основаніи собственноручнаго письма попечителя Цесаревича, графа С. Г. Строганова, къ митрополиту Филарету (это письмо въ подлинномъ видѣ хранится въ архивѣ академическаго правленія).

Во все время своего профессорства В. Д. напечаталъ болѣе 30 философскихъ работъ *). Большинство этихъ работъ есть не что иное, какъ курсы метафизики, читанные покойнымъ профессоромъ въ разное время студентамъ М. Д. академіи. Всѣ свои философскія чтенія В. Д. дѣлилъ на пять обширныхъ частей: 1) введеніе въ философію, 2) гносеологію и онтологію, 3) естественное богословіе, 4) космологію и 5) раціональную психологію, къ которой въ своемъ учебникѣ (изданномъ для семинарій и представляющемъ сокращеніе академическаго курса) присоединяетъ еще нравственную философію. Философія покойнаго профессора представляетъ цѣльное и стройное христіанско-идеалистическое міровоззрѣніе, — теистическую систему, согрѣтую теплымъ, искреннимъ религіознымъ чувствомъ. Эту свою систему В. Д. строитъ на почвѣ философской критики. Чтобы утвердить теистическую точку зрѣнія, онъ предварительно съ замѣчательнымъ критическимъ талантомъ разбираетъ системы атеизма, пантеизма, деизма, матеріализма, скептицизма, позитивизма и дарвинизма. Особенно цѣнна для науки эта критика, отличающаяся полнымъ безпристрастіемъ, глубиною и остротою анализа, и обнаруживающая въ авторѣ хорошее знакомство съ данными естественныхъ наукъ. Здѣсь, въ его философіи многіе найдутъ ясный и полный отвѣтъ на всѣ запросы ума и сердца.

Обращаясь къ личности В. Д. Кудрявцева, мы видимъ, что она являлась лучшимъ комментаріемъ къ его свѣтлой, идеальной философіи. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ съ рѣдкою цѣльностію воплощался типъ истаго мудреца, философа и въ аудиторіи, и въ частной жизни. Чуждый всякаго ученаго превозношенія, скромный до послѣдней степени, дѣтски чистый и незлобивый, снисходительный, любвеобильный, почти аскетически умѣренный въ своей частной жизни, — онъ положительно былъ боготворимъ и профессорами, и студентами. Вотъ почему у тѣхъ и у другихъ его смерть вызвала такой единодушный и исключительный по своимъ размѣрамъ взрывъ неподдѣльной печали, непритворнаго сожалѣнія... (см. *Богословскій Вѣстникъ*, 1892 г., январь). **Ѳ. Делекторскій.**

Помолвка наслѣднаго принца Румынскаго съ принцессой Маріей Эдинбургскою. (Портр. на стр. 537).

Высоконареченная невѣста, принцесса Марія, старшая дочь принца Альфреда, герцога Эдинбургскаго, герцога Саксонскаго, наслѣдника Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, и Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской, племянница Его Величества Государя Императора и внука королевы Викторіи, родилась 17 (29) октября 1875 г. До сихъ поръ принцесса мало показывалась въ публикѣ, что совершенно понятно въ ея юномъ возрастѣ. Тѣмъ не менѣе она отличается выдающимися дарованіями, кромѣ роднаго языка прекрасно говоритъ по-французски и по-нѣмецки, а досуги посвящаетъ живописи, къ которой имѣетъ громадныя способности съ дѣтства. Многія картины ея были распроданы на благотворительныхъ базарахъ. Большая часть жизни ея прошла въ Кобургѣ, гдѣ она весьма популярна и любима населеніемъ за ея любезный и веселый нравъ. При воспитаніи ея обращалось особое вниманіе на ея физическое развитіе, и потому принцесса пользуется прекраснымъ здоровьемъ. Принцесса много путешествовала со своей Августѣйшею матерью, которая постоянно брала ее съ собою.

Принцъ Фердинандъ, второй сынъ князя Леопольда Гогенцоллернскаго и наслѣдникъ своего дяди, короля Карла Румынскаго, родился 12 (24) августа 1865 г.; кончивъ курсъ въ прусской гимназіи, слушалъ лекціи въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ и служилъ въ прусскомъ 1 гвардейскомъ пѣхотномъ полку въ Потсдамѣ. Средняго роста, стройный, голубоглазый и бѣлокурый, принцъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своею внѣшностью. Вѣрный своимъ военнымъ вкусамъ, онъ каждое утро посвящаетъ военному ученью, а остальное время дня дѣламъ политическимъ, удѣляя досуги на изученіе литературы и исторіи Румыніи. Принцъ сумѣлъ пріобрѣсти любовь румынскаго войска и населенія. Онъ соединяетъ въ себѣ превосходный характеръ, основательныя познанія и сильную волю.

Архіепископъ Хриміанъ-Хайрикъ. (Портр. на стр. 537).

Избранный на-дняхъ первымъ кандидатомъ въ католикосы или патріархи всѣхъ армянъ, архіепископъ Хриміанъ, портретъ коего помѣщенъ въ настоящемъ номерѣ (стр. 537), принадлежитъ къ числу виднѣйшихъ іерарховъ армяно-грегоріанской церкви въ Турціи. Хриміанъ пользуется обширною популярностью какъ среди простаго народа, который чтитъ его какъ святаго, такъ и среди образованныхъ классовъ, которые ставятъ его высоко какъ поэта, публициста и педагога и политико-общественнаго дѣятеля. Среди турецкихъ армянъ онъ болѣе извѣстенъ подъ прозвищемъ Хайрикъ, что означаетъ *батюшка*. Это симпатичное прозвище преосв. Хриміанъ стяжалъ благодаря своимъ неусыпнымъ и безкорыстнымъ трудамъ на пользу простаго народа.

Крайне гуманный, обходительный, щедрый, онъ всегда умѣетъ найти слово христіанскаго утѣшенія и участія для всякаго обращающагося къ нему, будь это даже простой чернорабочій или пахарь. Несмотря на свои скудныя средства, онъ всегда дѣлится съ ближнимъ послѣднимъ грошемъ. Высокія нравственныя качества сдѣлали его кумиромъ константинопольскаго армянскаго простонародья. И когда около константинопольскаго моста появляется симпатичная, величавая, почти библейская фигура Хриміана, напоминающая образы Микель-Анджело въ Сикстинской капеллѣ, то безчисленные хамалы (носильщики) наперерывъ другъ другу спѣшатъ поклониться или подойти къ рукѣ престарѣлаго, но еще прекрасно сохранившагося маститаго іерарха.

Слѣдующій достовѣрный фактъ изъ біографіи Хриміана можетъ дать понятіе о томъ, какое внушительное впечатлѣніе производитъ благообразная, величественная личность Хриміана. Въ 1857 году, враги его—мужественная прямота, безкорыстіе и идеальная честность его создали ему не мало враговъ,—подкупили курда-убійцу. Убійца въ засадѣ дожидался своей жертвы на дорогѣ близъ Варачскаго монастыря. Какъ только онъ завидѣлъ статную фигуру беззаботно идущаго молодаго красавца,—великана съ добрымъ выраженіемъ лица, мужество покинуло, и когда молодой архимандритъ поровнялся съ нимъ, убійца бросился ему въ ноги и повинился въ своемъ зломъ умыслѣ.

Хриміанъ родился въ 1824 году, въ глуши турецкой Арменіи, близъ Вана, въ простой крестьянской семьѣ. Получивъ первоначальное образованіе въ армянскомъ Лимскомъ монастырѣ, для дальнѣйшаго образованія онъ отправился въ Константинополь. Первоначально Хриміанъ посвятилъ себя педагогіи и преподавалъ въ армянскихъ школахъ провинціи и Константинополя.

Литературная карьера его началась въ 1850 году, и въ виду этого почитатели Хриміана праздновали въ прошломъ году 40-лѣтній литературный юбилей его. Первыя произведенія его, поэмы: „Привѣтъ Арарата“ и „Привѣтъ Обѣтованной земли“ навѣяны путевыми впечатлѣніями, вынесенными имъ во время посѣщенія Арменіи и Св. Земли. Послѣдующія сочиненія Хриміана носятъ нравоучительный характеръ, частью бытовой, историческій и публицистическій. Хриміанъ не мало потрудился и въ области армянской журналистики, издавая сначала *Византійскаго Орла*, а потомъ *Васпураканскаго Орла*.

Въ 1854 г. Хриміанъ принялъ монашество, а въ 1868 г. былъ рукоположенъ въ епископы. Въ 1869 г. Хриміанъ былъ избранъ армянскимъ Константинопольскимъ патріархомъ и въ теченіе четырехъ лѣтъ стоялъ во главѣ армянской общины, въ самую трудную эпоху зарожденія ея самоуправленія. Впослѣдствіи онъ управлялъ нѣсколькими важнѣйшими епархіями. Въ 1878 г., въ качествѣ делегата турецкихъ армянъ, Хриміанъ объѣзжалъ европейскіе дворы, дабы обратить ихъ вниманіе на безотрадную долю своихъ единовѣрцевъ въ Турціи.

Послѣдніе года Хриміанъ дѣлилъ между церковною каѳедрою и общественно-политическою дѣятельностью. Одаренный поэтическою натурою и первоклассньмъ ораторскимъ талантомъ, онъ своимъ живымъ и образнымъ словомъ, идущимъ отъ сердца, умѣлъ преподать слово христіанскаго утѣшенія, въ годины общественныхъ бѣдствій, своимъ многострадальнымъ землякамъ. Во время тяжкаго голода, постигшаго нѣсколько лѣтъ тому родину Хриміана, Ванскую область, онъ, не смотря на свой преклонный возрастъ, не переставалъ утѣшать и поддерживать бодрость въ страждущемъ христіанскомъ населеніи, и сумѣлъ своими горячими проповѣдями развязать самыя туго набитыя и крѣпко завязанныя мошны.

Будучи до настоящаго времени депутатомъ армянскаго депутатскаго собранія въ Константинополѣ, онъ смѣло отстаивалъ права своихъ угнетенныхъ соотечественниковъ, муже-

*) Перечень сочиненій В. Д. Кудрявцева съ краткими указаніями содержанія мы находимъ въ „Матеріалахъ для исторіи философіи въ Россіи“ Я. Н. Колубовскаго (приложеніе къ журналу „Вопросы философіи и психологіи“ годъ I, кн. 4, стр. 20—32).

ственно предстательствуя за ихъ права. Ни угрозы, ни обольщенія турокъ не могли сломить неуклонной энергіи этого безгрешнаго поборника правды и справедливости. Считая неудобнымъ пребываніе въ Константинополѣ этого неподкупнаго служителя алтаря, не устававшаго предстательствовать за гонимую его паству, турки предложили архіепископу Хриміану поселиться въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ и находился до выборовъ въ Ечміадзинѣ. **Г. Д.**

Всероссійская пожарная выставка.

(Рис. на стр. 540 и 541).

23 мая, въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ манежѣ, открылась первая Всероссійская пожарная выставка, въ присутствіи временно предсѣдательствующаго въ Императорскомъ Техническомъ Обществѣ тайнаго совѣтника Герсеванова, предсѣдателя 4-го отдѣла этого Общества и комитета пожарной выставки: генералъ-лейтенанта Н. Ф. Эгерштрома, представителей министерства Финансовъ, городского управленія, градоначальства, членовъ Техническаго Общества и лицъ, близко стоящихъ къ пожарному дѣлу: петербургскаго брандъ-маіора А. П. Паскина съ графомъ А. Д. Шереметевымъ и княземъ А. Д. Львовымъ.

Весь манежъ, гдѣ помѣстилась выставка, богато убранъ гербами, щитами, флагами, среди которыхъ живописно разставлены всевозможные пожарные инструменты, вещи и разныя принадлежности пожарнаго дѣла. При входѣ, чрезъ окна манежа, обращенныя въ двери, ведутъ лѣсенки наружу главнаго зданія, гдѣ возведены несгораемыя строенія и витрины съ экспонатами. Главный входъ на самую выставку устроенъ въ видѣ арки, какъ это видно на нашей гравюрѣ, красиво задрапированной матеріей, съ пожарными касками по бордюру и государственнымъ гербомъ посрединѣ. На входной аркѣ высятся двѣ башенки, увѣнчанныя флагами, обрамляющими спиральныя груды пожарныхъ рукавовъ, уходящія подъ самый потолокъ. Входъ обставленъ группами живой зелени и тропическихъ растеній. Прямо сквозь арку видна каланча с.-петербургскаго пожарнаго депо, съ выкинутыми на шпилѣ ея пожарными сигналами: шарами, крестами и фонарями. Каланча эта напоминаетъ натуральную, снабжена внутри винтовой лѣстницей, украшена касками, топорами, баграми и амуницией пожарныхъ командъ, и окружена инструментами, изготовляемыми въ пожарномъ депо. Установленныя по угламъ накрестъ пожарныя лѣстницы служатъ барьерами павильона. Далѣе слѣдуетъ прудъ-фонтанъ, за нимъ грандіозная по величинѣ витрина—палаты гр. Шереметева и въ глубинѣ манежа общимъ фономъ и декораціей красиво довершаетъ картину каланча князя Львова съ выкинутымъ на ней краснымъ флагомъ—эмблемой выставки — сигналомъ сбора всѣмъ частямъ. Видъ послѣдней представляетъ вторая гравюра. Изображая въ уменьшеніи пожарную станцію въ Стрѣльнѣ, она содержитъ въ себѣ не мало интереснаго для обозрѣвателя. Въ серединѣ помѣщается карта района дѣйствій команды князя Львова, статистическія и графическія таблицы убытковъ отъ пожаровъ за время съ 1881 по 1892 годъ, фотографіи инструментовъ, служащихъ и т. п., пожарный поѣздъ по системѣ князя Львова и много другаго.

Политическое обозрѣніе.

Киль и Нанси продолжаютъ заслонять собою все пережитое за послѣдніе дни. Газеты переполнены не только подробностями встрѣчи двухъ Императоровъ въ Килѣ и празднествъ въ Нанси, но и стараются всячески истолковать эти два событія. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія предположенія, что первое изъ нихъ является новымъ залогомъ мира. „Кильскій визитъ, пишетъ *Politische Correspondenz*, состоялся при обстановкѣ, указывающей, что Россія желаетъ жить въ мирѣ со всѣми желающими мира государствами, но при этомъ не расположена вступать въ какую бы то ни было сдѣлку, отъ которой могъ бы пострадать малѣйшій изъ ея интересовъ или ея національное достоинство или ея полная свобода дѣйствія въ области политики." Послѣдствіемъ Кильскаго свиданія, какъ полагаетъ *Post*, должно быть прекращеніе, хотя бы временно, опасныхъ для мира инсинуацій, направленныхъ къ усиленію недовѣрія между Россіей и Германіей. Несмотря на подобныя строки, газеты, указывая на посѣщеніе въ то же время въ Нанси президента Карно Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ, стараются унизить даже самую встрѣчу въ Килѣ. *Vossische Zeitung*, видя въ Нансійскомъ визитѣ чуть ли не провокацію, говоритъ, что онъ лишаетъ де всякаго значенія кильскую встрѣчу. Другіе листки идутъ еще дальше, и *Düsseldorfer Zeitung*, по этому поводу, разражается поистинѣ дикими и совсѣмъ неприличными выходками противъ Россіи. Названный листокъ видитъ въ фактѣ совпаденія кильской встрѣчи съ нансійскимъ визитомъ двойственную игру, оскорбленіе, нанесенное Германіи, поощреніе стремленіямъ непримиримѣйшихъ французскихъ шовинистовъ и т. д.

Лучшимъ отвѣтомъ на всѣ эти инсинуаціи могутъ служить слѣдующія строки *National Zeitung*. „Кильской встрѣчѣ придали особое освѣщеніе происходившія одновременно съ нею событія на французской границѣ, въ Нанси. Нельзя, понятно, даже возбуждать вопроса о правѣ французскаго правительства и Французскаго народа устраивать смотры войскамъ и праздники гимнастовъ по сосѣдству съ германской границей, и если нансійскія празднества еще a priori подали поводъ къ нѣсколькимъ безполезнымъ личнымъ статьямъ по сю и по ту сторону Вогезовъ, то, съ одной стороны, это объяснялось опасеніями характера возбужденныхъ праздничныхъ ораторовъ и массъ, а съ другой — крайнею щепетильностью относительно этихъ опасеній. Но такъ какъ кильская встрѣча совпадала какъ разъ съ нансійскими празднествами, то русское правительство почло себя, повидимому, обязаннымъ дать легко воспламеняющемуся французскому народу, съ которымъ Россія находится въ особо дружескихъ отношеніяхъ, доброжелательное указаніе, что день, избранный для упомянутой встрѣчи, никоимъ образомъ не долженъ быть толкуемъ въ неблагопріятномъ для Франціи смыслѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и день свиданія въ Килѣ былъ окончательно установленъ лишь въ послѣднюю минуту, такъ что если Россія дѣйствительно хотѣла выразить Франціи свои чувства, то врядъ ли оставалось много времени для того, чтобы заранѣе извѣстить г. Карно о пріѣздѣ Великаго Князя въ Нанси. Быть-можетъ, что такимъ образомъ съ русской стороны желали также избѣгнуть несвоевременныхъ руссофильскихъ демонстрацій, направленныхъ противъ Германіи. Вполнѣ это не удалось, но все-таки попытки въ этомъ направленіи были парализованы довольно скоро. Вообще нансійскія празднества, по крайней мѣрѣ съ наружной стороны, прошли спокойно и безъ шовинистскихъ выходокъ... Тосты, коими обмѣнялись оба Государя въ Килѣ, не выходятъ изъ рамокъ проявленія личной дружбы, но должно замѣтить, что каковъ бы ни былъ результатъ встрѣчи, не было повода къ иному образу дѣйствій. Слѣдуетъ-ли приписывать особое значеніе назначенію Русскаго Императора адмираломъ à la suite Германскаго флота — вопросъ, котораго мы касаться не намѣрены. Для насъ довольно и убѣжденія, что Русскій Императоръ имѣлъ случай узнать, что единственное желаніе Германскаго народа — это отстоять по возможности въ мирѣ Германскую имперію, созданную потоками благороднѣйшей крови".

Событія въ Килѣ и Нанси отвлекли вниманіе отъ празднествъ, имѣвшихъ мѣсто въ Буда-Пештѣ, по случаю двадцатьпятой годовщины коронованія въ этомъ городѣ Франца-Іосифа, императора Австрійскаго. Въ память этого юбилея, онъ рескриптомъ приказалъ именовать отнынѣ Буда-Пештъ резиденціею.

Англія, не желая отстать отъ Германіи, Франціи и Венгріи, но не имѣя ничего лучшаго, устроила пріемъ принцу Фердинанду Кобургскому. 29 мая, принцъ Вельскій и герцогъ Эдинбургскій посѣтили принца Фердинанда Кобургскаго, вернувшагося изъ Бальмораля, куда онъ ѣздилъ по приглашенію королевы. Послѣ того принцъ завтракалъ у лорда-мэра, обѣдалъ у принца Вельскаго. Въ числѣ приглашенныхъ на завтракъ находились герцогъ Кэмбриджскій, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ и секретарь австрійскаго посольства. Принцъ Фердинандъ благодарилъ за оказанный ему пріемъ.

Во всей Бельгіи начались выборы въ учредительное собраніе. Стеченіе выборщиковъ громадное, много рабочихъ освободили отъ всякихъ занятій и въ Брюсселѣ группы рабочихъ ходятъ по улицамъ со знаменами. Въ сенатъ и палату депутатовъ выбраны преимущественно католики. Возбужденіе очень велико; было нѣсколько уличныхъ схватокъ. Нѣсколько группъ соціалистовъ произвели манифестаціи противъ католиковъ въ Брюсселѣ, Лютихѣ и въ Гентѣ, гдѣ помѣщеніе католическаго клуба подверглось разгрому и въ принадлежащихъ духовенству домахъ перебиты были окна. Въ дѣло вмѣшались конные жандармы, и нѣсколько человѣкъ ранено.

Смѣсь.

Двадцатипятилѣтіе взятія Самарканда. 2 мая 1893 истечетъ четверть вѣка съ тѣхъ поръ какъ главный городъ Ферганской области, Самаркандъ, присоединенъ къ Россіи. Къ этому дню Самаркандскій статистическій комитетъ издастъ описаніе города, и предсѣдатель комитета, графъ Ростопчинъ, въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* обращается ко всѣмъ участникамъ въ завоеваніи города и ко всѣмъ чиновникамъ живущимъ тамъ двадцать пять лѣтъ съ просьбою о высылкѣ до 1 марта 1893 въ комитетъ своихъ воспоминаній, дневниковъ и т. п.

Памятникъ Берингу. 4 декабря 1741 г. скончался капитанъ русской службы Витъ Берингъ, по имени котораго названы Беринговъ проливъ и одинъ изъ Алеутскихъ острововъ, куда онъ спасся

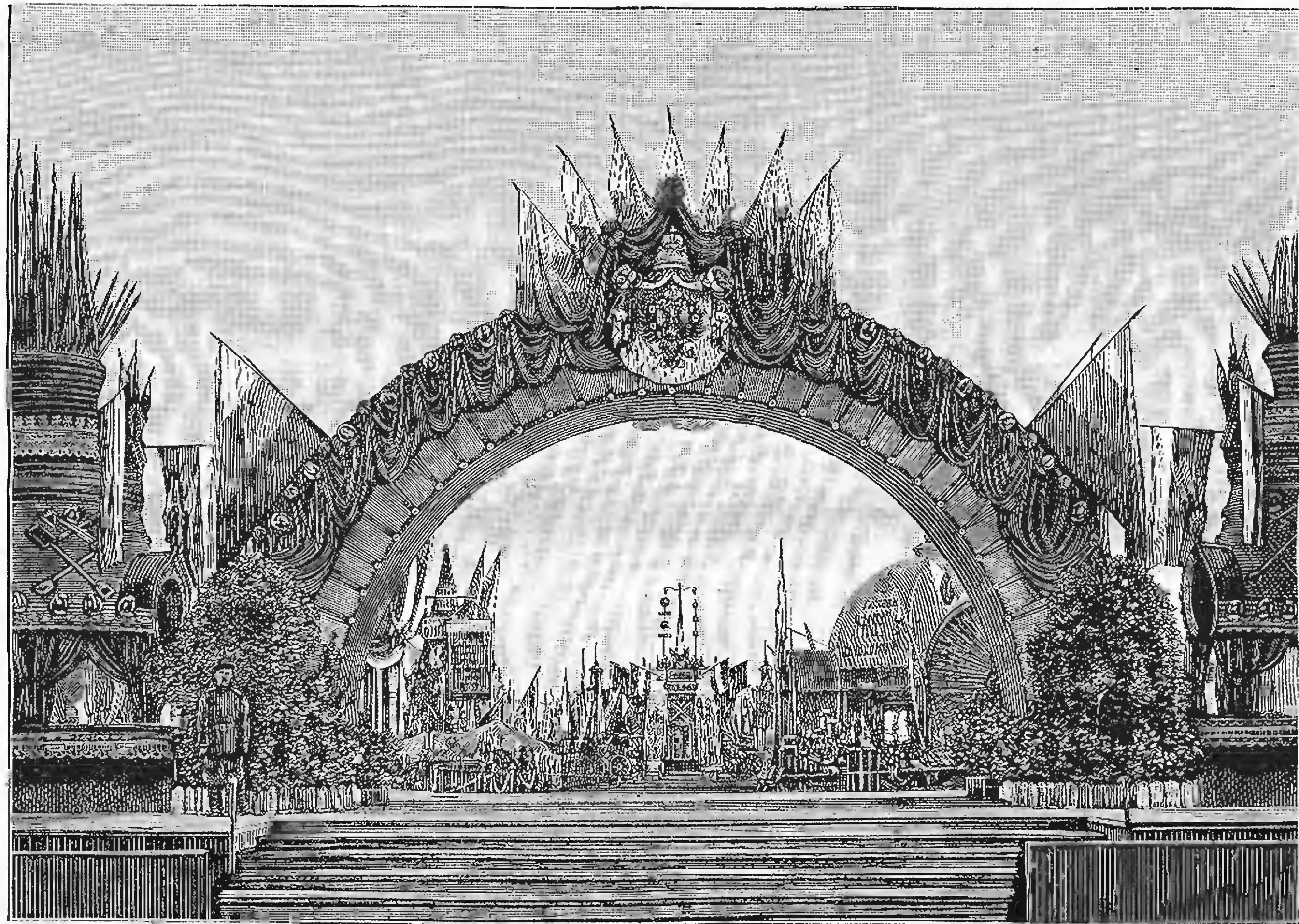
съ частью экипажа, послѣ кораблекрушенія, и гдѣ умеръ отъ цынги. Болѣе полутораста лѣтъ спустя, шкуна Сибирской флотиліи *Алеутъ* въ прошломъ году посѣтила островъ Беринга. Офицеры высадились на берегъ и отыскали могилу погибшаго изслѣдователя. На ней была нагромождена куча простыхъ камней, подъ которою покоились останки Беринга и его спутниковъ. Офицеры рѣшили воздвигнуть здѣсь достойный его памятникъ. Они собрали по подпискѣ между собою потребную сумму и по возвращеніи во Владивостокъ заказали памятникъ и желѣзный крестъ. То и другое уже готово и будетъ перевезено въ іюнѣ мѣсяцѣ на кораблѣ къ острову Беринга. На памятникѣ надпись: Командору Берингу и его спутникамъ. С. Т. Отъ шкуны Алеутъ. 1891."

Франко-русская выставка въ Булони, о коей мы уже сообщили читателямъ, проситъ обращаться за всѣми свѣдѣніями по слѣдующему адресу: Commissariat général de l'Exposition, à Boulogne-s/Mer, 41, rue Louis Duflos.

Sell's World's press (Всемірная печать, Селла)—подъ этимъ заглавіемъ и въ нынѣшнемъ году появилась извѣстная энциклопедія печати, содержащая въ себѣ полнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ журналахъ, иллюстраціяхъ и газетахъ міра, съ факсимиле цѣлыхъ газетныхъ страницъ, съ портретами писателей и издателей, видами редакцій и т. п. Это настольная справочная книга для всякаго причастнаго къ литературѣ.

Экономію во время путешествія, и даже значительную, позволяетъ дѣлать „Провожатый по гостиницамъ", книжка Карла Ризеля, послѣднее изданіе которой лежитъ предъ нами. Въ этомъ путеводителѣ находимъ точное описаніе около 400 гостиницъ россійскихъ и заграничныхъ, которыя по контракту съ издателемъ (Karl Riesels Reise Kontor, Berlin Königgrätzer Str. 114) обязаны дѣлать уступки со счетныхъ суммъ. Уступки отъ 5—10% составляютъ значительную экономію въ особенности при поѣздкахъ съ значительнымъ семействомъ. Къ каждому экземпляру изданія прилагается карточка, которая показывается лишь при уплачиваніи счета. Изданіе можно выписывать чрезъ названную контору.

Постройка желѣзныхъ дорогъ въ Африкѣ. Въ виду всеобщаго интереса, возбуждаемаго нынѣ этою, мало изслѣдованною, частью свѣта и того значенія, какое пріобрѣтаетъ развивающаяся въ этой странѣ торговля, заимствуемъ изъ журнала „Vom Fels zum Meer" № 11 1891 г. свѣдѣнія о строящихся и проектированныхъ въ Африкѣ желѣзныхъ дорогахъ. Первое мѣсто по грандіозности предпріятія, проектированнаго гражданскимъ инженеромъ Голаномъ, принадлежитъ французамъ. Отъ города Бискры, соединеннаго уже рельсовымъ путемъ съ г. Константиною, проводится желѣзная дорога на югъ, чрезъ городъ Варглу въ Тугуртѣ и плоскогорье Вади-Игаргаръ до Ангида, съ вѣтвью къ озеру Чадъ. Длина всей дороги простирается до 2300 кил. Во многихъ частяхъ Африки, группы людей занимаются нынѣ топографическими съёмками и распланировками участковъ для желѣзныхъ дорогъ, представляя зрѣлище, въ этихъ краяхъ, до того невиданное. На южномъ берегу Конго, нѣсколько тысячъ чернокожихъ, подъ руководствомъ нѣсколькихъ сотъ европейцевъ, занято нынѣ сооруженіемъ полотна, взрывая скалистые утесы вдоль этой рѣки. Наибольшія затрудненія представляетъ узкая полоса гористой мѣстности Мпозо; далѣе же, до Станлей-Пуля, работы идутъ несравненно легче. Отъ алмазныхъ розсыпей Кимберлея къ сѣверу до рѣки Замбезе проводятся линіи: рельсовая и телеграфная. Въ этой мѣстности, въ которую изрѣдка только проникали отважные охотники и миссіонеры, теперь застучали заступъ и кирка, въ рукахъ 3000 рабочихъ, сопровождаемыхъ сотнями подводъ, нагруженныхъ строительными матеріалами, взрывными веществами и прочими принадлежностями желѣзно-дорожнаго строительства. Въ настоящемъ году еще разсчитываютъ провести дорогу до Мадекинга, небольшаго мѣстечка, служившаго мѣстопребываніемъ бѣднаго главы туземцевъ, теперь превратившагося уже въ оживленный торговый городъ съ банкомъ, газетою и пр. Телеграфную линію предположено провести до этого новаго, главнаго города короля Камаса, въ прямомъ направленіи отъ Капштадта на сѣверо-востокъ, протяженіемъ до 2,600 кил.—260 воловыхъ 5—6 парныхъ подводъ перевозятъ проволоку отъ станціи до станціи, подъ защитою отряда, состоящаго изъ 700 вооруженныхъ людей. Угловымъ пунктомъ желѣзныхъ дорогъ въ будущемъ долженъ служить Кимберлей; кромѣ помянутой, отсюда проводятся еще двѣ дороги: въ южномъ направленіи до Капштадта и въ восточномъ—чрезъ Оранскіе свободные штаты до Преторіи — главнаго города Трансвааля, бывшей республики буровъ. Съ однимъ голландскимъ синдикатомъ заключены контракты на сооруженіе желѣзной дороги, имѣющей соединить Преторію съ португальскою линіею, проложенною отъ бухты Делагоа вдоль восточнаго берега, и тогда чрезъ посредство Кимберлея будутъ соединены непрерывнымъ путемъ оба берега Африки: южный и восточный. Въ Преторію же проводится дорога отъ Наталя, которая въ скорости должна быть окончена. Такимъ образомъ, въ продолженіе весьма немногихъ лѣтъ, рельсовыми путями прорѣзана будетъ громаднѣйшая площадь, пространствомъ въ семь разъ больше Франціи. Далѣе къ сѣверу португальцы строятъ небольшую линію отъ судоходныхъ истоковъ Бузи до золотыхъ пріисковъ Маниуры.—Берега Занзибара предполагаютъ связать желѣзными дорогами: нѣмцы въ Килиманджаро, а немного далѣе на

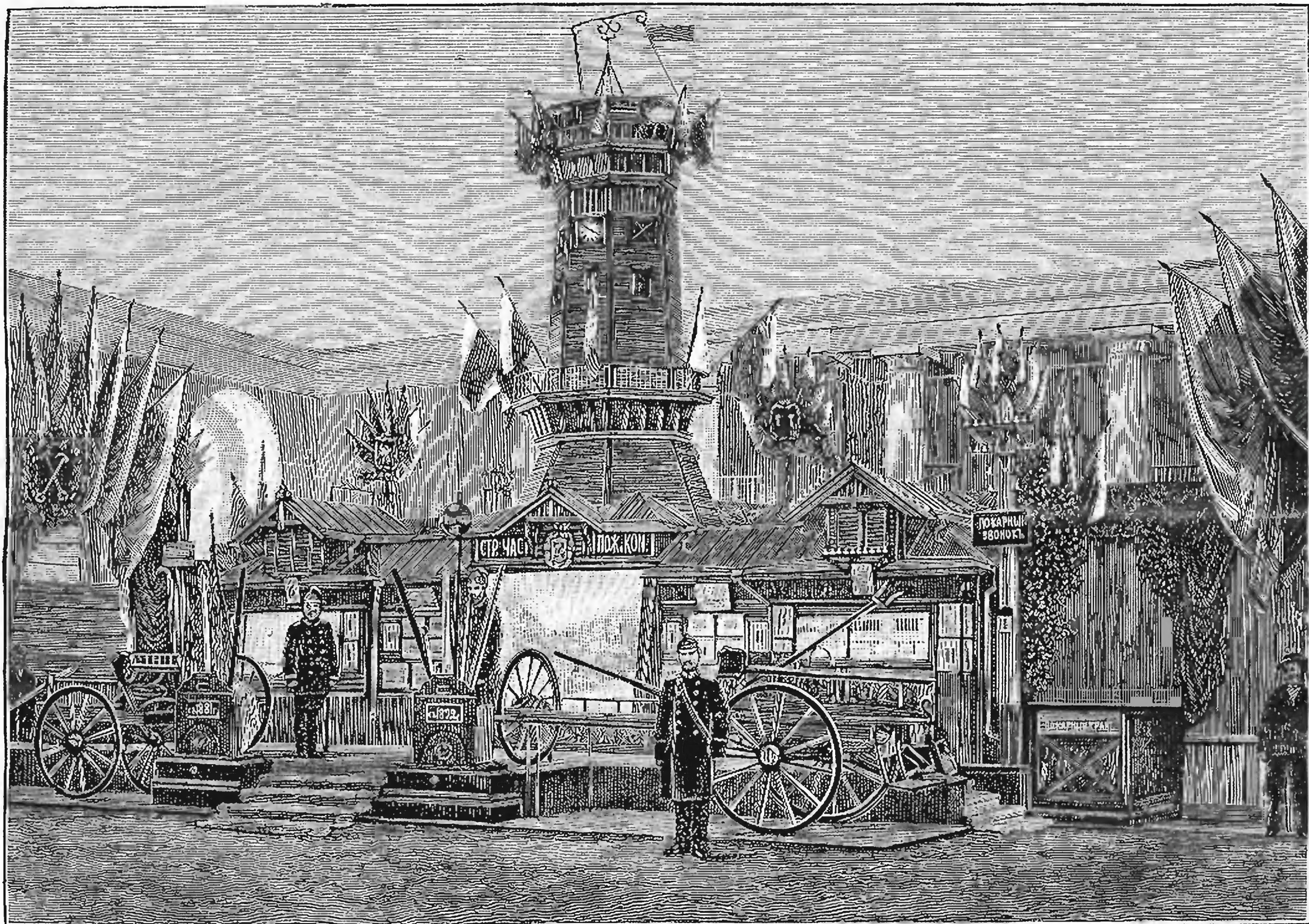
Всероссійская пожарная выставка. Главный входъ. Съ фот. грав. Рашевскій.

сѣверъ англичане съ озеромъ Укереве (Викторія-Ніанца). Къ этому нужно еще прибавить, что въ этой области великихъ озеръ появятся еще и пароходы нѣмецкіе и англійскіе, по крайней мѣрѣ въ судоходной ея части, безъ сомнѣнія, еще въ настоящемъ году. (А).

Жестокій законъ. Въ Англіи, даже въ прославленныя времена великой королевы Елисаветы, существовали еще вполнѣ варварскіе законы. Такъ несчастный странникъ, не имѣвшій возможности, по какимъ либо причинамъ, доказать своихъ правъ на занятіе ремеслами, признавался бродягою, клеймился раскаленнымъ желѣзомъ на груди буквою V—что означало Vagabond—бродяга—и отдавался на два года въ рабство тому, кто сдѣлалъ на него доносъ, съ правомъ подвергать его самымъ тяжкимъ наказаніямъ и работамъ. (А).

Профессоръ Лёффлеръ сообщаетъ въ „Centralblatt für Bacteriologie und Parasitenkunde“ объ эпидеміи, истребляющей бѣлыхъ мышей гигіеническаго института въ Грейфсвальдѣ. Главною причиной эпидеміи является открытый проф. Лёффлеромъ микроорганизмъ, который онъ назвалъ „мышиный тифозный бациллъ.“ Въ виду того, что полевыя мыши крайне чувствительны къ названной болѣзни, пр. Лёффлеръ питаетъ надежды истребить съ помощью тифознаго бацилла всѣхъ полевыхъ мышей. Для этого необходимо, лучше всего весною, отравить на посѣщаемыхъ мышами поляхъ хлѣбъ и сѣмена этимъ бацилломъ. Пр. Лёффлеръ убѣдился уже на основаніи многихъ опытовъ, что введеніе тифознаго мышинаго бацилла въ желудокъ другихъ животныхъ не причиняетъ послѣднимъ никакого вреда. Такъ что случайнаго отравленія нечего бояться. (к.)

Изъ міра звѣздъ. Камиль Фламмаріонъ недавно сдѣлалъ въ Парижѣ крайне интересное сообщеніе о звѣздахъ. Темою его является взаимное разстояніе и число неподвижныхъ звѣздъ. Ближайшая изъ нихъ къ землѣ Центавръ отстоитъ отъ насъ на 10 трилліоновъ миль. Если бы на Центаврѣ произошелъ страшный взрывъ, то звукъ его дошелъ бы до земли черезъ 3 милліона лѣтъ. Ядро пущенное изъ пушки съ Сиріуса долетѣло бы до земли черезъ 15 милліоновъ лѣтъ. По силѣ свѣта звѣзды дѣлятся на классы. Въ первомъ 19 звѣздъ, во второмъ 59, въ третьемъ 182, въ четвертомъ 530, въ пятомъ 1600 и въ шестомъ 4800. Звѣзды седьмой величины уже не видимы простымъ глазомъ. На каждую звѣзду, видимую простымъ глазомъ, приходится 17000 видимыхъ только въ оптическіе инструменты. Какъ велико поэтому должно быть пространство наполненное такимъ безчисленнымъ количествомъ небесныхъ тѣлъ, нѣкоторыя изъ которыхъ въ милліоны разъ превосходятъ величиною нашу пылинку—землю! И съ каждымъ днемъ фотографія неба открываетъ еще новыя тѣла.... Центавръ отстоитъ отъ земли въ 275,000 разъ дальше солнца. Вторая по близости къ намъ неподвижная звѣзда Лебедя отстоитъ отъ Центавра на 15 милліоновъ миль. Если бы съ Центавра провести желѣзную дорогу на землю, то билетъ 1 класса, по нашему земному тарифу, стоилъ-бы 44 милліарда и экстренный поѣздъ, идущій по 100 километровъ въ часъ, дошелъ бы до земли въ 48 милліоновъ лѣтъ. (к.)

Всероссійская пожарная выставка. Стрѣльненская частная пожарная команда кн. Львова. Съ фот. грав. Рашевскій.

Наука поставила на очередь вопросъ о пользованіи силою прилива и отлива для приведенія въ движеніе моторовъ. Декёръ внесъ во Французскую академію наукъ проектъ могучаго водяного двигателя. Онъ предложилъ устроить въ Гаврѣ на морскомъ берегу два водоема, въ которые вода будетъ падать при приливѣ и уходить изъ нихъ при отливѣ. У отверстій для входа и выхода воды поставить турбины. Силу паденія воды Декёръ вычисляетъ въ 6000 лошадиныхъ силъ, которыя посредствомъ электричества можно провести въ какое угодно мѣсто. Подобный же планъ вырабатывается въ Мельбурнѣ инженеромъ Діамантомъ. (к.)

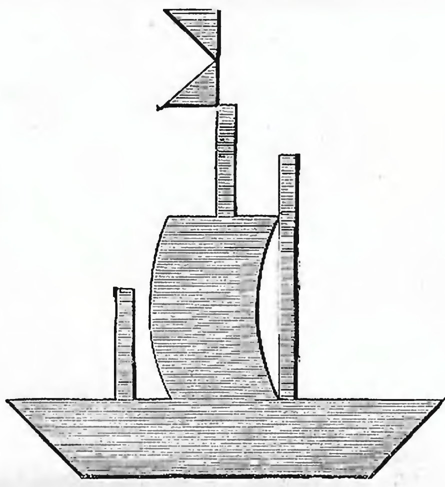
Съѣздъ русскихъ птицеводовъ. Между 21 и 29 марта со-

стоялся въ Петербургѣ первый съѣздъ русскихъ птицеводовъ въ Россіи. На обсужденіе его предложены были слѣдующіе вопросы: 1) Современное состояніе русскаго птицеводства и экономическое значеніе этой отрасли хозяйства. 2) Условія улучшенія простой домашней птицы. 3) Выборъ породъ для скрещиванія въ различныхъ мѣстностяхъ. Устойчивость и плодовитость ублюдковъ. 4) Уходъ за домашнею птицею: время кормленія и наиболѣе пригодные и дешевые кормы, наиболѣе цѣлесообразное устройство кормушекъ и водопоекъ, употребленіе подстилки и проч. 5) Болѣзни птицъ и ихъ лѣченіе. 6) Условія транспортировки птицъ всякаго рода, въ томъ числѣ племенныхъ и пѣвчихъ. 7) Способы укупорки племенныхъ яицъ при ихъ пересылкѣ. 8) Способы пользованія другими, кромѣ яицъ, продуктами птицеводства, какъ-то: пухомъ, гуано и т. п. 9) Мѣры для развитія и болѣе правильной постановки торговли всѣми, вообще, продуктами птицеводства. 10) Акклиматизація и прирученіе птицъ. 11) Способы ловли пѣвчихъ птицъ и комнатнаго ихъ содержанія. 12) Содержаніе декоративныхъ птицъ: павлиновъ, фазановъ, лебедей и т. п. 13) Голубиная почта. Любительское охотничье голубеводство. 14) Выясненіе степени пользы и вреда, приносимыхъ разнаго рода птицами нашему сельскому хозяйству, и выработка мѣръ для охраны полезныхъ и для уничтоженія вредныхъ и 15) Научныя сообщенія изъ области птицеводства. Съѣздъ обсуждалъ, между прочимъ, разработанный кіевскимъ обществомъ голубинаго спорта проектъ правилъ для совмѣстнаго состязанія почтовыхъ голубей, принадлежащихъ разнымъ лицамъ и обществамъ, и постановилъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы дѣло почтово-голубинаго спорта подвинулось у насъ впередъ и достигло бы такихъ же результатовъ, какъ въ Германіи, гдѣ существуетъ цѣлая армія почтовыхъ голубей, управляемая множествомъ кружковъ и обществъ любителей голубинаго спорта. Всѣ эти общества обязаны, въ случаѣ надобности, предоставить въ распоряженіе военнаго вѣдомства Пруссіи до 50 тысячъ отлично дрессированныхъ почтовыхъ голубей. Наши-же охотники до почтовыхъ голубей не въ состояніи представить даже маленькаго отряда этихъ крылатыхъ почтарей.

Одновременно со съѣздомъ открыта была обычная ежегодная выставка птицеводства. (г. в.)

Геометрическая задача № 30.

Предлагаемую фигуру разрѣзать на 15 частей, изъ которыхъ составить правильный восьмиугольникъ.

Рѣшеніе пасхальной задачи № 21

(помѣщ. въ № 14 „Нивы").

Т а И
А г а Ч
Т у р к И
Е р а л а Ш
Л а г у н А
И с п а г а Н
Х о р у т а н Е
Р о д ж е р С
И р а д Е
С а х а Р
Т о л К
О п и С
С т О
В

Слова: 1) Описъ, 2) Хорутане, 3) Испагань, 4) Роджерсъ, 5) Сто, 6) Ералашъ, 7) Таи, 8) Турки, 9) Ираде, 10) Въ. 11) Агачъ, 12) Сахаръ, 13) Лагуна, 14) Толкъ.

„Христосъ воскресе, наши читатели!"

Рѣшенія задачъ въ № 4 „Нивы" 1892 г.

№ 4. W. Mieses. Матъ въ 3 хода.

1. К. d1 : e3, угрожая 2. К. e3—d5╪, 1. ... Ф. e1 : a1 или c3 (если 1. ... Кр. : e3, или 1. ... Ф. : e3, то 2. Ф. e5╪ или 2. Л. h4╪); 2. К. g5—e6+ и 3. Л. h5—h3╪.

a) 1. ... Ф. e1—d1; 2. Ф. a1 : d1 и 3. Ф. d1—d2 или d6╪.

b) 1. ... Ф. e1—e2; 2. Л. h5—h4+ и 3. Ф. a1—c5╪.

c) 1. ... Ф. e1—g3; 2. Л. h5—h3! и если 2. ... Кр. f4 : e3 или g5+, то 3. Ф. a1—5e1╪, если же 2. ... Ф. g3 : g2 или h3, то 3. К. g5—e6╪ или 3. К. e3—d5╪.

№ 5. L. Cimburek. Матъ въ 4 хода.

1. Ф. g2—h3, Кр. f4—e4; 2. Ф. h3 : e3+, Кр. e4—d5; 3. С. g4—e6+ и 4. С. d4—c5╪.

a) 1. ... Кр. f4—g5; 2. Ф. h3—h5+, Кр. g5—f4; 3. С. d4—e5+ и 4. С. g4—f3╪.

b) 1. ... d3—d2, h7—h6 или К. a2∾; 2. С. g4—e6, угрожая 3. Ф. h3—g4 или: e3╪, 2. ... Кр. f4—g5; 3. Ф. h3—g4+ и 4. С. d4—g7╪.

c) 1. ... e3—e2; 2. Ф. h3—f3+, Кр. f4—g5; 3. Ф. f3—f5+ и 4. С. d4—f2╪ или 4. Ф. f5—h5╪.

d) 1. ... h7—h5; 2. С. g4—e6, Кр. f4—g5; 3. Ф. h3—g3+ и 4. Ф. g3—g7╪.

e) 1. ... К. g8—h6; 2. Ф. h3—f3+, Кр. f4—g5; 3. С. d4—f6+ и 4. С. g4—h5╪.

Если 1. ... К. g8∾, то 2. С. d4—f6 и 6. Ф. h3—f3╪.

Эта задача, получившая на конкурсѣ первый призъ, имѣетъ однако второе рѣшеніе, очевидно, просмотрѣнное судьями конкурса:

1. Ф. g2—f3+, Кр. f4—g5; 2. С. d4—e5, угрожая 3. Ф. f3—f5+ и 4. Ф. f5—h5╪, и если 2. ... Кр. g5—h4, то 3. Ф. f3—h3+ и 4. Ф. h3—h5╪; если же 2. ... К. g8∾, то 3. Ф. f3—f4+ и 4. С. или Ф. f6╪.

Правильныя рѣшенія прислали:

Обѣихъ задачъ—**Л. Н. Истоминъ** (Харьковъ).

№ 4—**І. К. Волковскій** и **Б. И. Тольинскій** (м. Межибожъ, Под. губ.); **З. И. Рехнеръ** (Одесса).

№ 5—**Г. Гудинецкій** (Тирасполь).

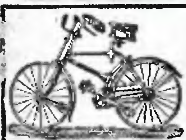
Второе рѣшеніе задачи № 5: **Л. Н. Истоминъ, І. К. Волковскій** и **З. И. Рехнеръ**.

Въ задачѣ № 23 М. Окунькова (№ 16 *Нивы*) черный конь долженъ стоять на e2, а не на d2.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Большой выборъ вновь полученныхъ велосипедовъ завода Зингера и К° въ Ковентри. Представитель Генрихъ Георгіевичъ **ЖЕМЛИЧКА** въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ. Высылается прейсъ-курантъ. Ищу представителей. № 5834

БУСЫ

для женщинъ и елочныхъ украшеній
дешево и изящно:

Граненыя крупныя	80 р. за 1000 нитокъ.		
„ мелкія	27 р. 50 к.	„	„
Подборъ гладкій	27 р. 50 к.	„	„
Ровныя мелкія	25 р. „	„	„
Розовыя	50 р. „	„	„
Аршинныя	60 р. „	„	„

Менѣе 1000 нитокъ не высылается.

Шары цѣны по соглашенію. При заказахъ задатокъ 1/3 стоимости. При покупкѣ на 100 р. скидка 5%, на 500 р. 10%. На большія количества по соглашенію. № 5838

Заказы давать заблаговременно. По случаю многочисленныхъ заказовъ, отправка дѣлается по-очередно. Адресъ: Ст. Завидово, Ник. ж. д. А. И. Капустину.

КРАСКА
ДЛЯ ВОЛОСЪ
ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА
АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ,—смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. № 5836

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на марку **С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.**

Главный складъ **А. Энглундъ**, С.-Петербургъ, Бассейная, № 2. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ обществѣ Дрогистовъ, Невскій, 27, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

въ громадномъ выборѣ получилъ и высылаетъ прейсъ-куранты по требованію

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

С.-Петерб., у Казанскаго м., уг. Невскаго, д. № 30—16. **Москва**, Мясницкая ул., уг. Кривоколѣн. п., д. Соколова. **Харьковъ**, Московская ул., д. № 2.

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 К. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

ВО ИЗБѢЖАНІЕ ПОДДѢЛОКЪ и ПОДРАЖАНІЙ
ТРЕБУЙТЕ

НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО

ИМѢЮЩЕЕ НА ЯРЛЫКѢ КРАСНУЮ ПОДПИСЬ и УТВЕРЖДЕННУЮ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ МАРКУ ЗА №

3374.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ

Ц. № 5789 10—6

Американскую пишущую машину

„КАЛИГРАФЪ“

рекомендуетъ Генрихъ Георгіевичъ **ЖЕМЛИЧКА** въ Москвѣ, уг. Тверской и Стараго Газетнаго переулка. д. Фальцъ-Фейнъ. Высылается прейсъ-курантъ.

SELBST VERWÖHNTESTE ZEITUNGSLESER

dürfte der reichhaltige und gediegene Inhalt des **täglich 2 mal** in einer Abend- und Morgen-Ausgabe erscheinenden **„Berliner Tageblatt“** und Handels-Zeitung nebst seinen **4 werthvollen** Beiblättern: **„Ulk“**, illustrirtes Witzblatt, **„Deutsche Lesehalle“**, illustrirtes belletristisches Sonntagsblatt, **„Der Zeitgeist“**, feuilletonistisches Montagsbeiblatt, und „Mittheilungen über **Landwirthschaft, Gartenbau und Hauswirthschaft**“, befriedigen. In Anerkennung seiner hervorragenden Leistungen hat das

„BERLINER TAGEBLATT“

unter allen grossen Zeitungen die **weiteste Verbreitung in Deutschland und im Auslande gefunden.** Das **B. T.** bringt bekanntlich **nur werthvolle Original-Feuilletons** unter Mitarbeiterschaft gediegener Fachschriftsteller auf allen Hauptgebieten, als Theater, Musik, Litteratur, Kunst, Naturwissenschaften, Heilkunde etc.—Im täglichen Roman-Feuilleton erscheint im nächsten Quartal: **„Das neue Haus“**, Erzählung von **Georg Bendler**, sodann folgt:

„IRRLICHTER“ Roman von GREGOR SAMAROW

„Irrlichter“ nennt in diesem Roman der bekannte Autor jene Gestalten, die über dem stagnirenden Sumpfe der **Berliner Gesellschaft** schweben. Das frivole Leben und Treiben gewisser Kreise, welche am **Totalisator** wie im **Börsenspiel** die Befriedigung ihrer niederen Leidenschaften finden, schildert Samarow, als feiner Kenner der grossen Welt in mächtigen Strichen und brennenden Farben.—Aber nicht nur in den Abgrund führt uns der Dichter, er zeigt uns auch **sympathische Gestalten**, die auf der Menschheit Höhen wandeln.

Man abonnirt auf das täglich 2 mal in einer Abend- und Morgen-Ausgabe erscheinende **„Berliner Tageblatt“ und Handels-Zeitung** bei **allen Postanstalten Russlands** für alle 5 Blätter zusammen für **3 Rbl. 25 Kop.** vierteljährlich. **Probe-Nummern gratis und franco!!**

ЗА 5 РУБ. КРАСИВО ПИСАТЬ выучиваю всякаго **ЗАОЧНО** (посредствомъ лекцій корреспонденцій) въ 10 уроковъ. **ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ.** Подробное объясненіе преподаванія высылаю **за 2 семикопѣечныя марки.**

ЗА 10 РУБ. ДВОЙНОЙ ИТАЛІАНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ обучаю **ИНОГОРОДНЫХЪ** вполнѣ и основательно въ 2—3 мѣсяца. По окончаніи выдаю ученику **СВИДѢТЕЛЬСТВО.** Адресъ: Москва, Покровка, д. Бутиковой. Учит. каллигр. и бухгал. **А. С. Шиманскому.**

БЕЗПЛАТНОЕ обученіе красив. письму и бухгалтер. для народныхъ учителей и учительницъ, на расходъ прилаг. 3 марки по 7 коп.

ЗОЛ. МЕДАЛЬ, благодар. короля Эллиновъ и др. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво и скоро заочно. За одно 7 к. марк. высыл. услов. Одесса. Дериб., проф. кал. **Конидарисъ.**

Д-ръ **Волицкій**, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невск. 71/1, кв. 5. Отъ 1-3 и 6—7 1/2 ч. в.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ **Э. БУРХАРДЪ**, СПБ, Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

Часы никел.	отъ 6 р. 50 до 15 р.
„ стальн. черн.	отъ 11 до 25 р.
„ серебряные	отъ 12 до 50 р.
„ золотые	отъ 25 до 500 р.
„ регуляторы двухнедѣльнаго завода	отъ 17 до 65 р.

Высылаю наложен. платежемъ Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen

OBER SALZBRUNN SCHUTZ-MARKE

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно: **Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ.**

ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.

10—5 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5742

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.

Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ. Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи. Требовать *зелено-золотистый ярлыкъ.* **ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!**

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-ра ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.

Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. **Способъ употребленія.** При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ; Онопомада (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у **В. АУРИХА**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная. № 18—19. **Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазин. и аптекахъ Россіи.**

АЛЬБОМЪ

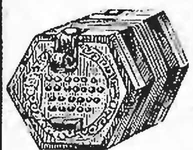
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,
состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. **Цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная: въ изящн. литограф. обертнѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: **въ СПБ.**, въ контору журнала **„Нива“** (Невскій, 6).

АНГЛІЙСКОЕ

КОНЦЕРТИНО

Инструментъ очень пріятнаго тона, съ полной хроматической гаммою, на которомъ можно играть послѣ короткаго упражненія всевозможныя пьесы со всѣми нюансами.
СОПРАНО 48-тонныя въ 24, 30, 40, 50, 65, 85, 110, 125, 140 и 160 р., 56-тонныя въ 160 и 200 р.
Баритоны 48-тонные въ 85, 140 и 200 р.
Самоучитель Ротштейна 2 руб.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.
Большой выборъ нотъ для англійскаго концертино.
По полученіи задатка приблизительно 1/3 стоимости заказа требуемое высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

ФОТОГРАФІИ
для моделей, женскія и мужскія, жанръ, ландшафты, 100 миніатюрн. фотографій и 4 образца за 3 р. Самая большая и лучшая коллекція всего міра. Каталоги на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ язык. по 20 к. Louis Ramlo Kunstverlag München II, Postfach 16.

ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦАМЪ

высылаю пріобрѣтенное за границею, ПРЕВОСХОДНОЕ РУКОВОДСТВО, указывающее какъ извлечь солидную пользу изъ земли, хотя бы самой неплодородной и песчаной почвы, черезъ разведеніе общеполезныхъ растеній и пр., не требующихъ большаго ухода и приносящихъ владѣльцу, во всякомъ періодѣ своего роста, постоянную хорошую пользу. № 5833 5—2
Также сельскимъ и городскимъ жителямъ оно указываетъ множество источниковъ доходности.
Болѣе подробныя свѣдѣнія вышлетъ безплатно А. Граге, Москва, Неглинный проѣздъ, д. Молчанова, кв. 3.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

№ 580 (5)
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для нѣжности лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подпись **А. ЭНГЛУНДЪ** *красными чернилами.* Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВѢНѢ
ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.
Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 5—3
Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс.
Главный складъ для Россіи у **В. Авриха** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ВЫИГРЫШНЫЕ

билеты и Дворянскіе листы (III выигрышн. заемъ) продаютъ съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р., каждому вполнѣ доступно, 7—5 № 5806
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
59, Невскій, СПБ. и гг. агенты.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

ВЕЛОСИПЕДЫ
„ОРЕЛЪ“
Франкфуртъ-на-Майнѣ.
Ц. № 5728 СПЕЦІАЛЬНАЯ 12—11
ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Илл. пр.-куранты за 10 к. почт. марку.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.

Основной и запасные капиталы 16.500,000 рублей.

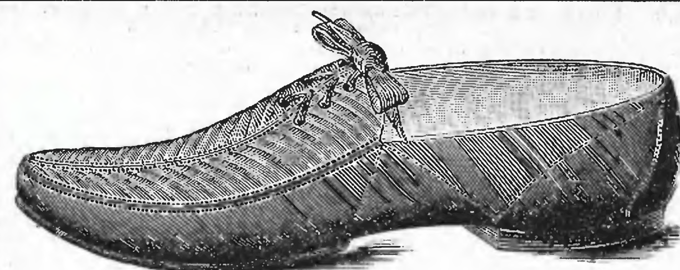
Общество заключаетъ на выгодныхъ условіяхъ и по умѣреннымъ преміямъ страхованія:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ.

Къ 1 января 1892 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано **24,795 лицъ на капиталъ въ 69.328,905 руб.**

Дивидендъ страхователей въ 1892 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, соб. домъ, № 37) и агентами Общества въ городахъ Имперіи. № 5817 4—2

Прекрасныя качества и красота фасона нашихъ „Легкихъ скороходовъ“ для лѣта, какъ мы и ожидали, были достойно оцѣнены публикою. **Только въ этомъ году** этой легкой обуви нами выпущено уже около **30 тыс. паръ.**

Благодаря какъ особому устройству нашихъ колодокъ, на которыхъ выдѣлывается эта лѣтняя обувь, такъ и особо хорошему качеству кожи, мягкость и прочность которой отлично извѣстны каждому нашему покупателю,—при носкѣ нашихъ „Легкихъ скороходовъ“ никто никогда не можетъ нажить мозолей; потому что обувь эта по своему особому удобству не только не жметъ ноги, но даже не допускаетъ потѣнія ихъ, что, какъ всякому извѣстно, способствуетъ образованію мозолей. Въ этой обуви ноги не чувствуютъ усталости. Обувь эта не теряетъ своего фасона до окончательнаго ея изнашиванія; незамѣнима въ жаркое время лѣта; и вообще наши „Легкіе скороходы“ уже сами заслужили особое вниманіе публики вслѣдствіе особенности постройки вполнѣ согласной съ гигіеной ногъ. И такъ какъ поэтому спросъ на нихъ все болѣе и болѣе увеличивается, то уже появились и подражатели, изготовляющіе полуботинки, къ сожалѣнію, похожіе на наши „Легкіе скороходы“. Вслѣдствіе этого мы вынуждены обратиться къ уважаемой публикѣ съ настоящимъ предостереженіемъ и просимъ желающихъ пріобрѣсти „дѣйствительно Легкіе скороходы“ при покупкѣ обращать вниманіе на оттиснутое на подошвѣ наше фабричное клеймо.

ФАБРИЧНОЕ КЛЕЙМО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„ЛЕГКІЕ СКОРОХОДЫ“

изготовляются № 5837
черные и коричневые
для мужчинъ, дамъ и дѣтей.
Т-во СПБ. МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ

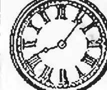
Б. Морская, № 17, бель-этажъ, рядомъ съ Кумбергомъ.

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ
въ Ригѣ

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ
ПЕРВАЯ СИГАРНАЯ ФАБРИКА въ РОССІИ
СУЩЕСТВУЕТЪ съ 1839 ГОДА.
Можно получить во всѣхъ большихъ магазин. или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ
Спеціалистъ хронометровъ СПБургъ, Невскій пр. № 5 прот. Имп. Публ. Библіотеки Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 580

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА“.
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у I. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5721 (9)

„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общ. Вз. Страх. Жизни.
Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 мая 1892 г. Руб. 2.456.539 66.
Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (13)
Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

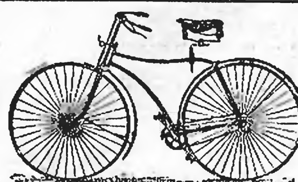
ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

для Г.г. любителей.

Вслѣдствіе новѣйш. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовки, можетъ снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты. Цѣна прибора 18, 25, 35, 50 руб. и дор.
Ручн. аппараты для моментальныхъ снимковъ 15, 24 р. и дор.
Просимъ не смѣшивать съ рекламируемыми крайне дешев. аппаратами.
Е. КРАУСЪ и К°
фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
въ С.-Петербургѣ, Мойка № 42.
Наставленіе и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются безплатно. № 5822 3—3

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.
САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Торговый домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Коканд. и Екатеринбургъ. 19—8
Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.